This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

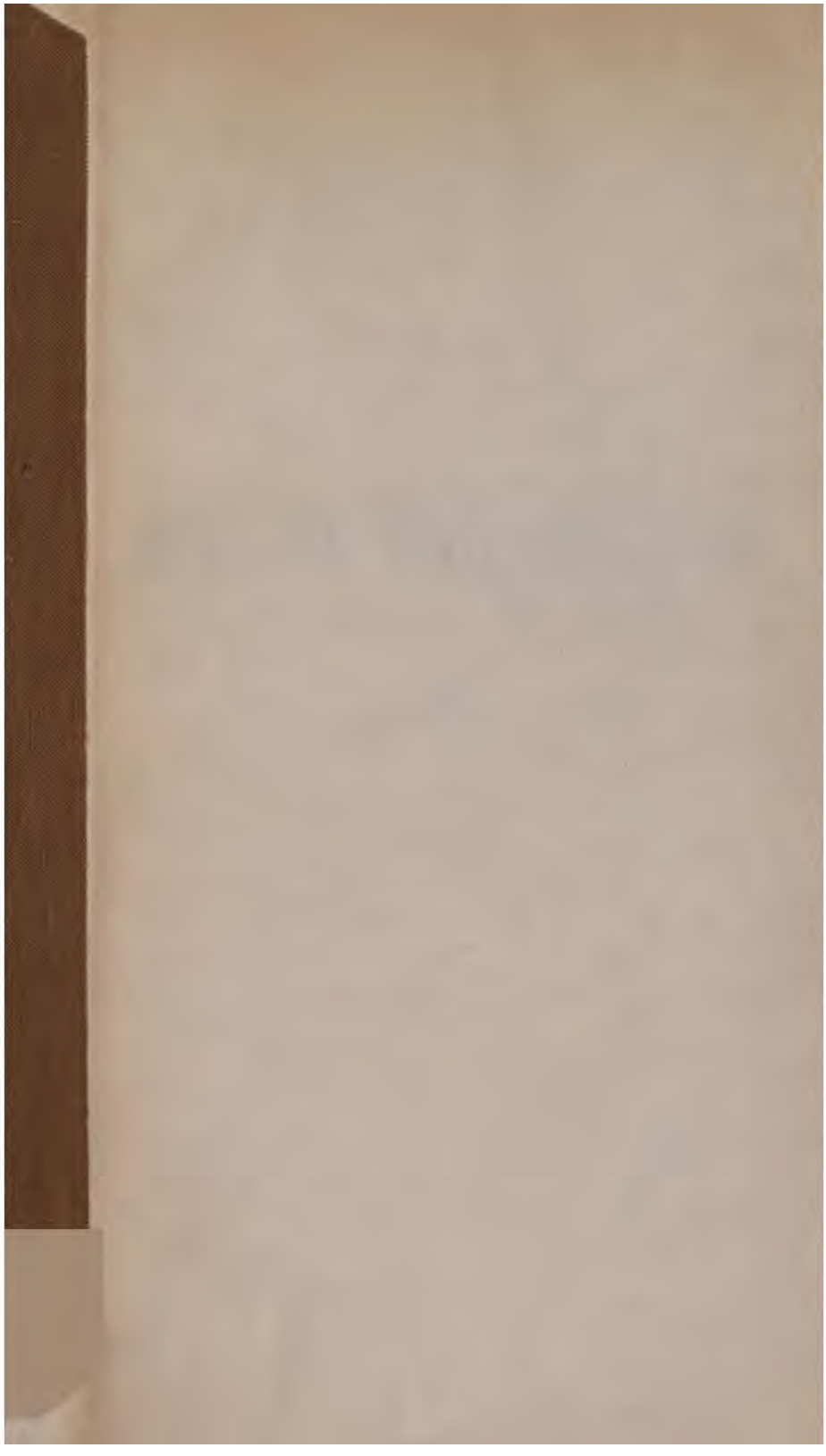
QL
791
N6

NOBODY.
NASHI TOVARISCHI

Acquired through the

HOOVER INSTITUTION

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



НАШИ ТОВАРИЩИ.

Nobody.

НАШИ ТОВАРИЩИ.

ИСТИННЫЕ СЛУЧАИ

ВЪ АМЕРИКѢ И ДРУГИХЪ СТРАНАХЪ.

Nobody

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1908.

HOOVER LIBRARY

QL.791
N6

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введеніе	1
Защита друга	3
Бурый—Волкъ	6
Чернышъ	27
Смертельные враги	35
Ночь въ Сенъ-Бернардскомъ монастырѣ	39
Пожаръ въ конюшнѣ	46
Собаки въ полицейской должности	50
Понто	61
Памятникъ въ южной Африкѣ	78

ВВЕДЕНІЕ.

Множество открытій сдѣлано людьми въ девятнадцатомъ олѣтіи, но одно изъ нихъ настолько велико, что люди еще въ состояніи понять всей важности его значенія, въ полмъ смыслѣ.

Это великое благодѣтельное открытіе важнѣе всѣхъ изоѣтеній военнаго искусства; оно превосходитъ чудеса электриства, телефоны, усовершенствованные телеграфы, изумителье броненосцы, укрѣпленія, пушки, однимъ словомъ, все то, разумъ и геній человѣка изобрѣлъ и открылъ до сихъ поръ!

Пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ всѣ проникнутся агодѣтельной силой чудеснаго открытія.

Въ чемъ же состоитъ оно?

Въ томъ простомъ, но полномъ глубокаго значенія фактѣ, люди, наконецъ, поняли, что *можно уничтожить корень жаго зла, жестокости, войны, убійства и преступленій, питывая въ дѣтяхъ духъ милосердія, состраданія и жати и пріучая ихъ пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы зать доброе слово или сдѣлать доброе дѣло, которое сіастливило бы другое человѣческое существо или безсловное созданіе.*

Только въ девятнадцатомъ вѣкѣ въ человѣческое общество зникло сознаніе, что, осчастлививъ дѣломъ или ласковымъ вомъ хотя бы нѣмое живое существо, мы сами дѣлаемся астливы. Въ XIX вѣкѣ возникло первое Общество покровиьства животныхъ, тѣхъ самыхъ животныхъ, въ которыхъ ди, наконецъ, перестали видѣть рабовъ, не стоящихъ со-

страданія, и признали въ нихъ друзей и помощниковъ, д
ныхъ Богомъ ихъ попеченію. «Слава Богу Великому въ в
людямъ добрымъ всѣмъ миръ на землѣ; всякой дышащей тв
участье, справедливость, вниманье, любовь!»

Эти слова ангельской пѣсни въ Рождественскую в
взяты девизомъ Американскаго Общества Воспитанія въ д
милосердія.

Престарѣлый мистеръ Дж. Энджель черезъ свой журн
(Our Dumb Animals) сообщаетъ свои назидательныя ст
издателямъ всѣхъ газетъ и журналовъ, которые, въ свою
редь, передаютъ ихъ болѣе, чѣмъ шестидесяти милліонамъ
тателей.

Неутомимый, достойный старецъ посвятилъ всю свою жи
тому, чтобы распространить духъ милосердія не только
каждой школѣ, но и въ каждой американской семьѣ; осо
ной задачей своей онъ поставилъ вліять на дѣтей преступн
родителей, избавляя ихъ отъ дурной обстановки, помѣщая
въ пріюты и воспитывая изъ нихъ полезныхъ гражданъ.
неустанно проводитъ мысль, что наивысшія почести дол
быть воздаваемы въ Америкѣ тому лицу, которое наиб
потрудится для блага народа и для развитія въ немъ чув
добра, состраданія и милосердія.

Защита друга.

Собака бѣдная намъ въ жизни лучшій другъ;
Насъ дальше всѣхъ она и раньше всѣхъ встрѣчаетъ,
Въ бѣдѣ, въ опасности ей незнакомъ испугъ,
Она хозяина до смерти защищаетъ.

Изъ Байрона.

Какъ то разъ въ залѣ суда въ Америкѣ, въ Штатѣ Миссури, присутствовалъ престарѣлый сенаторъ Вестеръ, дожидаясь разбора своего дѣла. Судъ разсматривалъ жалобу объ убійствѣ собаки. Нѣкто Ричардъ Стуккей обвинялъ Томаса Ф. въ томъ, что тотъ застрѣлилъ намѣренно его собаку.

Обвиняемый утверждалъ, что собака на него бросалась. Сенаторъ Вестеръ не принималъ участія въ разборѣ дѣла, но молодой прокуроръ упросилъ его сказать нѣсколько словъ. Тогда старикъ сенаторъ всталъ, пристально вглядѣлся въ лица присяжныхъ и, помолчавъ минуту, заговорилъ:

«Господа присяжные! У всѣхъ людей есть друзья; но самый лучшій другъ можетъ измѣнить и сдѣлаться врагомъ. Мы воспитываемъ дѣтей нашихъ съ нѣжной заботой; но и сыновья и дочери могутъ оказаться неблагодарными. Бываютъ случаи, когда самые близкіе, самые дорогіе люди, которымъ мы ввѣряемъ наше счастье и наше доброе имя, предаютъ насъ. Богачъ можетъ потерять все свое состояніе. Деньги исчезаютъ тогда, когда онѣ больше всего нужны.

Многіе хорошіе люди теряютъ свою честь, вслѣдствіе какого-нибудь минутнаго искушенія и легкомысленнаго поступка. Всѣмъ, къ сожалѣнію, извѣстно, что люди готовы преклоняться

передъ знатными и богатыми и, напротивъ, рады бросать камнями въ тѣхъ, на кого обрушилась бѣда; но въ нашемъ эгоистическомъ мірѣ можно найти, однако, одного преданнаго, вѣрнаго и честнаго друга, который никогда не измѣнитъ, не предастъ, не покинетъ и не окажется неблагодарнымъ; этотъ самоотверженный другъ—собака. Собака не разбираетъ, богатъ или бѣденъ ея хозяинъ, здоровъ онъ или боленъ. Она спитъ на холодной землѣ, въ непогоду, на снѣгу, лишь бы только быть подлѣ хозяина. Собака лижетъ руку, которая подчасъ наноситъ ей удары и отказываетъ ей въ кускѣ хлѣба. Она готова лизать раны и язвы и, кажется, рада бы была утѣшить словами, если бы Богъ далъ ей даръ слова; но ея взглядъ—краснорѣчивѣе рѣчи! Если хозяинъ собаки нищій, она сторожитъ его сонъ такъ же заботливо, какъ если бы онъ былъ королемъ. Когда друзья оставляютъ васъ и даже собственныя дѣти покидаютъ, собака остается вѣрной! Когда человѣкъ переноситъ бѣду, скорбь, болѣзнь или позоръ, собака не ослабѣваетъ въ своей любви, но остается такъ же постоянна, какъ солнце на небѣ. Если, по несчастью, хозяинъ идетъ въ ссылку, осужденный, опозоренный, покинутый всѣми, лишенный крова и состоянія, то одна вѣрная собака считаетъ счастьемъ сопутствовать ему, оберегать его отъ опасности и драться за него, не щадя себя.

А когда придетъ послѣдняя минута, и смерть прекратитъ біеніе сердца, а тѣло будетъ предано землѣ, то, когда родные, близкіе и друзья покинутъ могилу, только вѣрная собака будетъ лежать на ней, тихая, печальная, положивъ голову на вытянутыя лапы и все еще продолжая свою вѣрную службу, оставаясь самоотверженно преданной до конца».

Окончивъ рѣчь, сенаторъ Вестеръ сѣлъ. Онъ говорилъ тихо, не сдѣлавъ никакого жеста; онъ не разбиралъ, кто въ дѣлѣ правъ и кто виноватъ; но, когда онъ кончилъ, многіе украдкой смахивали слезу. Присяжные вынесли приговоръ Томасу Ф. «виновенъ». Судъ приговорилъ его уплатить пятьсотъ долларовъ Ричарду Стуккей. Когда Томасъ Ф. вышелъ на улицу,

толпа сопровождала его крикомъ и шиканьемъ и швыряла въ него комками грязи. Это было въ Америкѣ; а сравните съ этимъ то, что дѣлается у насъ, въ деревняхъ. Ужасъ! Не только дѣти, но и взрослые мучатъ и дразнятъ собакъ. И вмѣсто того, чтобы быть ласковымъ и добрымъ другомъ, собака дичаетъ; изъ боязни, чтобы ей не сдѣлали зла, она старается первая напугать людей; она бросается, желая дать почувствовать свою силу, чтобы этимъ избавиться отъ угрозъ, которыя заставляютъ ее мучиться страхомъ. А страхъ—истинно ужасное мученье!.. Всѣ животныя даны Богомъ человѣку, какъ его меньшіе братья; они не могутъ говорить въ свою защиту, но Тотъ, безъ чьей воли ни одинъ волосъ не падаетъ съ головы, Тотъ Богъ, который далъ жизнь всѣмъ тварямъ, конечно, накажетъ людей, причиняющихъ страданія и боль безсловеснымъ друзьямъ человѣка—животнымъ. Объясняйте это дѣтямъ, которыя бываютъ жестоки по глупости и неразумѣнію.

«Если злоба и жестокость много зла творятъ, такъ незнанье, неумѣнье больше навредятъ».

Бурый—Волкъ.

Она замѣшкалась немного, потому что, замѣтя росу, на
вала галоши, а, когда она вышла изъ дому къ ожидавше
ее мужу, то увидала его погруженнымъ въ созерцаніе одно
изъ восхитительныхъ чудесъ природы: онъ разсматривалъ го
вящійся распуститься цвѣтокъ миндальнаго дерева.

Она окинула вопросительнымъ взглядомъ все видимое п
странство, заглянула въ высокую траву и между плодовы
деревьями.

«Гдѣ Волкъ?» спросила она.

«Онъ здѣсь былъ, сію минуту», отвѣтилъ Вальтеръ Ирви
порывисто оторвавшись отъ метафизическихъ и поэтически
размышленій объ органическихъ чудесахъ расцвѣтанья. И о
тоже осмотрѣлся кругомъ: «да, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же Волк
онъ тутъ только что гонялъ кролика».

«Волкъ! Волкъ! сюда, Волкъ!» кричала она, когда они ост
вили полянку и, черезъ пестрѣвшій цвѣтами лѣсокъ, пош
на дорогу. Ирвинъ приложилъ къ губамъ маленькіе пальц
обѣихъ рукъ и, чтобъ помочь ей позвать Волка, пронз
тельно свистнулъ.

Она поспѣшно закрыла уши и сдѣлала уморительну
гримасу.

«Боже мой! вотъ ты — поэтъ и талантливый писатель,
производишь такіе непріятные звуки! У меня въ ушахъ чуть
лопнула барабанная перепонка! Ты свищешь пронзительнѣе»

«Чѣмъ Ореей?» перебилъ онъ ее, улыбаясь.

«Я хотѣла сказать: чѣмъ уличный мальчишка!» строго поправила она.

Онъ не далъ ей докончить и продолжалъ: «поэзія не мѣшаетъ быть практичнымъ; по крайней мѣрѣ, она не мѣшаетъ мнѣ. У меня не такой маленькій талантъ, чтобы его нельзя было продать издателямъ большихъ журналовъ».

Онъ принялъ шутовски-важный видъ и продолжалъ: «я не уличный пѣвецъ, не соловей бальныхъ залъ. А почему? потому что я практиченъ. Развѣ мои поэмы, стихи и прочіе плоды моего вдохновенія не превратились уже, при нѣкоторомъ обмѣнѣ, въ красивый уютный домикъ съ садикомъ, въ пригорки и долины, въ рощу краснаго дерева, въ огородъ съ 37-ю плодовыми деревьями, съ грядами малины и земляники, не говоря уже о журчащемъ ручьѣ, въ четверть мили. Я практиченъ; я торгую красотой, пѣснями, вдохновеніемъ и преслѣдую пользу, мой милый ангелъ. Моя душа сочиняетъ поэму, а, благодаря издателямъ журналовъ, я превращаю ее въ это легкое дуновеніе вѣтра, который теперь доносится къ намъ изъ нашего лѣска красныхъ деревьевъ; затѣмъ я превращаю ее въ журчащую воду, текущую по покрытымъ мхомъ камнямъ; а эта вода, въ свою очередь, поетъ мнѣ свою пѣсню, различную отъ моей; вмѣстѣ съ тѣмъ, она сама, вѣдь, не есть моя же пѣсня, но только чудеснымъ образомъ превращенная!»

«Ну, ужъ какъ будто всѣ твои сочиненія такъ удачно превращались!» засмѣялась она.

«Назови, какія же были неудачны?»

«А вотъ тѣ стихи, что ты превратилъ въ корову, хуже которой не было въ городѣ».

«Она была красива», началъ, было, онъ.

«Но она не давала молока», быстро перебила его жена.

«Но она все таки была красива! ну, сознайся!» настаивалъ онъ.

«Ну, вотъ тутъ красота и польза не совпадаютъ». Былъ ея отвѣтъ.

«А! вотъ гдѣ Волкъ!»

Изъ густо поросшаго лѣсомъ пригорка раздался треск сучьевъ и затѣмъ, на высотѣ сорока футовъ, на краю совер шенно отвѣсной скалистой стѣны, показалась голова и плеч Волка. Его сдвинутыя переднія ноги перемѣстили камешек и Волкъ, настороживъ уши пристально слѣдилъ за паденіем его, пока тотъ не упалъ къ ихъ ногамъ. Послѣ этого живот ное перевело свой взглядъ на нихъ и, открывъ ротъ, засмѣя лось имъ.

«Ахъ, Волкъ! это ты! ты! милый! ты, драгоцѣнный нашъ Волкъ!» закричали ему вмѣстѣ мужъ и жена.

При звукѣ этихъ голосовъ, уши отбросились назадъ и г лова какъ будто хотѣла прижаться къ невидимой ласкающ рукѣ. Они слѣдили за нимъ, пока онъ пробирался черезъ гу сплетшихся кустовъ, а потомъ пошли дальше. Нѣсколько м нуть спустя, обогнувъ поворотъ тропинки, гдѣ спускъ бы менѣе отвѣсный, Волкъ присоединился къ нимъ, выскочивъ и цѣлой лавины камней и нагроможденныхъ земляныхъ груд У него не было показного выраженія нѣжности. Послѣ то какъ мужъ приласкалъ его, почесавъ ему за ушами, а же нѣжно погладила,—онъ уже мчался по тропинкѣ впереди их скользя по землѣ безъ усилія, совершенно такъ, какъ бѣгаю волки.

По сложенію, по шерсти и по хвосту, онъ былъ крупны лѣсной волкъ; но цвѣтъ и отмѣтины его противорѣчили этом Тутъ уже несомнѣнно сказывалась собака. Никогда ни один волкъ не бывалъ подобнаго цвѣта. Онъ былъ коричневы темно-коричневый, красно-коричневый, цѣлый сумбуръ разны коричневостей. Спина и плечи были темнаго коричневаго цвѣт поблѣднѣвшаго на бокахъ и на животѣ почти до желт окраски; но это желтое было мутно, вслѣдствіе остававшей въ немъ бурости. Бѣлизна на шеѣ и лапахъ и надъ глаза казалась грязной отъ упорнаго коричневаго цвѣта. Между тѣм глаза его были, какъ два драгоцѣнные топаза-близнецы: он казались золотыми съ коричневымъ отливомъ.

Мужъ и жена были сильно привязаны къ собакѣ, можетъ быть, потому, что они съ величайшимъ трудомъ пріобрѣли его любовь. Не легко она досталась имъ, когда онъ впервые приплелся, таинственно и невѣдомо откуда, къ ихъ маленькому домику въ горахъ.

Съ избитыми лапами, исхудалый, какъ скелетъ, прибрелъ онъ сюда, затравилъ кролика передъ самымъ ихъ носомъ, подъ самымъ ихъ окномъ, а затѣмъ отползъ прочь и заснулъ у ручья, подъ тѣнью кустовъ черники. Когда Вальтеръ Ирвинъ подошелъ, чтобъ разсмотрѣть незваннаго гостя, тотъ отвѣтилъ ему ворчаньемъ; точно также заворчалъ онъ и на Мэджъ, когда та спустилась внизъ, неся ему большую чашку молока съ хлѣбомъ. Онъ оказался самой необщительной собакой, сердился на всѣ ласки, не давался въ руки, не позволялъ подойти къ себѣ, угрожающе оскаливая клыки и ощетиниваясь.

А, между тѣмъ, всетаки, онъ оставался у нихъ, спалъ и отдыхалъ у ручья и принималъ отъ нихъ пищу, послѣ того какъ они ставили ее подальше, а сами уходили. Почему онъ не уходилъ, это объяснялось его несчастнымъ состояніемъ: онъ весь былъ израненный, изможденный и больной. Но вотъ онъ поправился и исчезъ.

Этимъ бы все и кончилось; ни Ирвинъ, ни Мэджъ никогда бы его больше не увидѣли, если-бъ Ирвину не пришлось, какъ разъ въ это время, отправиться въ сѣверную часть штата. Сидя въ вагонѣ поѣзда, близъ линіи между Калифорніей и Орегономъ, Вальтеръ случайно выглянулъ въ окно и увидалъ своего недавняго гостя, бѣгущимъ вдоль дороги, видимо страшно усталаго, но неутомимаго и покрытаго пылью и грязью отъ продолжительнаго путешествія.

Мы ужъ сказали, что Ирвинъ былъ поэтъ и способный поддаваться первому побужденію. Онъ сошелъ съ поѣзда на ближайшей станціи, пошелъ въ мясную лавку, купилъ большой кусокъ говядины и перехватилъ бродягу на окрайнѣ города. Обратный путь бѣглецъ совершилъ въ багажномъ вагонѣ, и, такимъ образомъ, Волкъ вторично очутился въ домикѣ на

горѣ. Тутъ его привязали на недѣлю и принялись при
ласкать и объясняться ему въ любви, и мужъ, и жена
перерывъ.

Но это было очень осмотрительное и осторожное у
ванье. Дикимъ и чужимъ оставался Волкъ, точно онъ
пришелецъ съ другой планеты; на всѣ нѣжно сказанныя
любви и ласки онъ отвѣчалъ ворчаньемъ. Онъ никогда не л
Все время, пока онъ оставался у нихъ, никто не слы
его лая.

Мужъ и жена задали себѣ задачу приручить его. Ирвин
билъ преодолѣвать трудности. Онъ приказалъ, на всякій
чай, выгравировать на металлической пластинкѣ слѣдук
«Прошу возвратить Вальтеру Ирвинъ, Гленъ Элленъ,
Сонома, Калифорнія». Эту дощечку припаяли къ ошей
который надѣли на собаку. Послѣ этого его спустили съ
вязи, и онъ быстро исчезъ. Черезъ день пришла телегр
изъ мѣстечка Мендосино. Его тамъ поймали. Въ двадцат
совъ онъ сдѣлалъ больше ста миль къ сѣверу и все ещ
жалъ дальше, когда его, наконецъ, поймали.

Его вернули съ поѣздомъ Велсъ Фарго Экспрессъ;
былъ привязанъ на три дня; былъ отвязанъ на четверт
тотчасъ же пропалъ. На этотъ разъ онъ достигъ Юж
Орегона, прежде чѣмъ его схватили и прислали обр
Всегда, лишь только онъ получалъ свободу, онъ убѣгалъ
и всегда онъ убѣгалъ на сѣверъ. Онъ былъ подъ вла
инстинкта увлекавшаго его туда. «Это инстинктъ любв
дому, къ родинѣ», говорилъ Вальтеръ Ирвинъ, послѣ того
онъ потратилъ всѣ деньги, вырученныя за новую книжку
ховъ, чтобы заплатить за возвращеніе животнаго изъ С
наго Орегона.

Другой разъ, бурому страннику удалось пробѣжать
вину всей Калифорніи, весь Орегонъ и большую часть Ва
тона, прежде чѣмъ его поймали и вернули.

Необыкновенно замѣчательна скорость, съ какой онъ
шествовалъ. Накормленный и отдохнувшій, лишь тольк

пускали съ привязи, онъ собиралъ всѣ свои силы и энергію и уходилъ. Въ первый день бѣгства, по точной провѣркѣ, онъ пробѣгалъ до ста пятидесяти миль, а затѣмъ, среднимъ числомъ, сто миль и такъ до тѣхъ поръ, пока его не поймаютъ. Онъ всегда возвращался обратно исхудалый, голодный и дикій и всегда отправлялся свѣжій и сильный, отыскивая свой путь на сѣверъ, въ отвѣтъ на какой то тайный внутренній голосъ или на неодолимое стремленіе, котораго никто не могъ понять.

Но, наконецъ, потративъ цѣлый годъ на напрасные побѣги, онъ покорился неизбѣжности и избралъ мѣстомъ жительства долинку, гдѣ онъ впервые затравилъ кролика и выспался у ручья.

Даже и послѣ этого прошло много времени, прежде чѣмъ мужъ и жена достигли того, что онъ позволилъ себя погладить. Это была большая побѣда, потому что, кромѣ ихъ двоихъ, никто не могъ сдѣлать этого. Глухимъ ворчаньемъ встрѣчалъ онъ каждое приближеніе чужого; а, если смѣльчакъ подходилъ ближе, губы поднимались, появлялись обнаженные клыки и глухая воркотня переходила въ рычанье,—это рычанье было такъ ужасно и зловѣще.

У него какъ бы не существовало предыдущей жизни. Его исторія начиналась съ Вальтеромъ и Мэджъ. Онъ пришелъ съ Юга, но они никогда не могли получить ни малѣйшаго свѣдѣнія о томъ, кто былъ раньше его хозяиномъ, отъ котораго онъ, видимо, сбѣжалъ. Поставлявшая имъ молоко, ихъ ближайшая сосѣдка, м-съ Джонсонъ, утверждала, что онъ изъ породы собакъ Клондайка. Братъ ея разработывалъ мины въ мерзлой землѣ этой далекой страны, и вслѣдствіе этого она считала себя свѣдущей въ этомъ отношеніи.

Да они и не оспаривали этого. Подтвержденіемъ ея словъ были кончики ушей Волка, когда-то, очевидно, такъ жестоко отмороженные, что они никогда не могли зажить окончательно. Кромѣ того, онъ былъ похожъ на фотографіи собакъ изъ Аляски, помѣщаемыя въ журналахъ.

Вальтеръ и Мэджъ часто разговаривали про его прошлое,

стараясь представить себѣ изъ того, что они слышали и читали, какова была его жизнь на сѣверѣ.

То, что сѣверъ влекъ его къ себѣ, было извѣстно имъ изъ того, что, по ночамъ, они часто слышали, какъ онъ тихо стоналъ, какъ бы не имѣя силъ справиться съ невѣдомой тоской; а, когда дулъ сѣверный вѣтеръ, а морозный воздухъ кусалъ и жегъ, на него нападало большое безпокойство; онъ испускалъ такой жалобный стонъ, въ которомъ они узнавали протяжный волчій вой. И, всетаки, онъ никогда не лаялъ. Не было такого поступка или обиды, которые бы заставили его издать этотъ обычный собачій звукъ.

Не рѣдко въ то время, когда они старались приручить его, они спорили между собою о томъ, чей онъ, и каждый старался вспомнить и разсказать всякое выраженіе привязанности со стороны Волка.

Расположеніе его сначала пріобрѣлъ мужъ, и, вѣроятно, потому, что онъ былъ мужчина. Было очевидно, что Волку не приходилось имѣть дѣло съ женщинами; онъ ихъ не понималъ. Особенно пугали его юбки доброй и ласковой Мэджъ; онъ съ ними никакъ не могъ примириться. Достаточно было шелеста платья, чтобы заставить его подозрительно ощетиниться, а, въ вѣтренный день, она вовсе не смѣла и подходить къ нему.

Съ другой стороны, вѣдь, это Мэджъ кормила его. Она также завѣдывала кухней, и только, по ея милости, по ея особенной милости, позволялось Волку войти въ это священное мѣсто. Такимъ путемъ, мало по малу, Мэджъ почти побѣдила въ немъ отвращеніе къ себѣ.

Между тѣмъ, Вальтеръ употреблялъ большое стараніе, теряя много времени, чтобы пріучить Волка лежать у своихъ ногъ, пока онъ писалъ; для этого ему приходилось, то ласкать его, то разговаривать съ нимъ, конечно, въ ущербъ работѣ. Наконецъ, перевѣсъ оказался на сторонѣ Вальтера, и этой побѣдой онъ былъ обязанъ, вѣроятно, тому, что онъ былъ мужчина. Мэджъ увѣряла, что они могли бы пріобрѣсти еще четверть мили журчащаго ручья, если бы Вальтеръ употребилъ, какъ бы

слѣдовало, свою энергію на сочиненіе стиховъ, оставляя Волка въ покоѣ; а, въ это время, и Волкъ могъ бы сдѣлать между ними добровольный выборъ.

«Однако, пора бы издателю прислать мнѣ деньги за послѣднюю книжку», проговорилъ Вальтеръ, послѣ пяти минутъ молчанія, пока они продолжали идти по тропинкѣ. «На почтѣ меня, вѣроятно, ждетъ чекъ; мы превратимъ его въ прекрасную пшеничную муку, въ нѣсколько банокъ варенья и въ пару новыхъ галошъ для тебя».

— «И въ прекрасное молоко, отъ прекрасной коровы м-съ Джонсонъ» прибавила Мэджъ. «Завтра, вѣдь, первое число, ты это помнишь?»

Вальтеръ безсознательно что то пробурчалъ, но его лицо сейчасъ же просвѣтлѣло и, ударивъ себя рукой по боковому карману, онъ сказалъ: «Ничего; вотъ у меня здѣсь есть славная красивѣйшая новая корова, самая молочная во всей Калифорніи!»

«Когда же ты это написалъ?» увлеченно спросила она. Потомъ, съ упрекомъ, прибавила: «и, вѣдь, такъ-таки, и не показалъ мнѣ!»

«Я приберегалъ это для тебя, какъ сюрпризъ, чтобъ прочесть тебѣ, по пути на почту, въ какомъ-нибудь поэтичномъ мѣстечкѣ, подобномъ этому» отвѣтилъ онъ, указывая рукой на большой пень, предлагая сѣсть.

Узкій ручеекъ вырывался изъ густыхъ папоротниковъ, скользилъ по камешкамъ, и перебѣгалъ дорогу у ихъ ногъ. Изъ долины доносилась сладкая пѣсня жаворонка; вокругъ нихъ, туда и сюда, черезъ лучи солнца и тѣни, трепетно летали большія желтыя бабочки.

Снизу вдругъ послышался шумъ, прерывавшій голосъ Вальтера, тихо читавшаго свою рукопись. Это былъ какой-то стукъ тяжелыхъ шаговъ, надоѣдливый хрустъ камешковъ подъ ногами. Когда Вальтеръ дочиталъ и посмотрѣлъ на жену, дожидая ея одобренія, какой то человѣкъ показался на поворотѣ тропинки. Онъ былъ безъ шляпы и весь въ поту.

Одной рукой онъ вытиралъ лицо, а въ другой дер
новую шляпу и свернутый крахмальный воротничекъ, с
имъ съ шеи.

Это былъ хорошо сложенный мужчина, мускулы ко
такъ выдавались, что, казалось, могли легко разорвать
платье, видимо, купленное готовымъ.

«Жарко сегодня»! привѣтствовалъ его Вальтеръ. Ва
любилъ простоту и общительность въ деревнѣ и не пропу
случая проявлять ихъ, охотно бесѣдуя со всѣми.

Неизвѣстный остановился и кивнулъ.

«Не очень то я привыкъ къ сильному жару», прое
онъ, какъ бы извиняясь. «Я больше свыкся съ нулем
дусовъ».

«Ну, вы этого у насъ не найдете»! засмѣялся Вал
«Думаю, что нѣтъ» отвѣтилъ прохожій. «Я этого и не
а пытаюсь найти мою сестру. Можетъ быть, вы можете
зать мнѣ, гдѣ она живетъ? Ея имя Джонсонъ».

«Вы не братъ ли ея, изъ Клондайка?« вскрикнула М
съ глазами, засвѣтившимися любопытствомъ, «мы такъ
слышали про него».

«Да, сударыня, это я», скромно отвѣтилъ пришелецъ. «
зовутъ Миллеръ, Скифъ-Миллеръ. Мнѣ хотѣлось прид
ней сюрпризомъ».

«Вы попали сюда правильно. Только вы пришли
тропинкой». Мэджъ встала, чтобы указать ему на виднѣвш
за четверть мили, пригорокъ.

«Видите этотъ обгорѣлый лѣсокъ? идите по узкой тро
что сворачиваетъ направо. Вы придете прямехонько къ ея
Тутъ ошибиться нельзя».

Онъ пытался сдѣлать усиліе, чтобы уйти, но оказался
невольно приросшимъ къ мѣсту. Онъ смотрѣлъ на нее с
крытымъ восхищеніемъ, самъ того не сознавая, но чув
замѣшательство, все больше и больше смущавшее его.

«Намъ бы хотѣлось послушать ваши разсказы о Кло
кѣ», сказала Мэджъ. «Нельзя ли намъ зайти къ вашей с

вмѣстѣ съ вами, чтобы побесѣдовать, или, еще лучше, не завернете ли вы къ намъ и не отобѣдаете ли съ нами?»

— «Благодарю васъ, сударыня» какъ-то механически, сказалъ Миллеръ. Потомъ, опомнившись, прибавилъ: «я вѣдь не надолго. Мнѣ опять нужно на сѣверъ. Я уѣду сегодня съ ночнымъ поѣздомъ. Я не могу надолго отлучаться; у меня есть дѣло, по контракту съ правительствомъ».

Когда Мэджъ выразила свое сожалѣніе, онъ опять напрасно пытался идти. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ ея милаго лица. Онъ забылъ свое смущеніе и любовался ею. Теперь настала ея очередь покраснѣть и почувствовать себя неловко.

При такомъ натянутомъ положеніи, Вальтеръ рѣшилъ, что пора и ему что-нибудь сказать, чтобъ прервать это непріятное состояніе; а тутъ и Волкъ, скрывшійся, было, чтобъ поискать что-то въ кустахъ, показался вблизи и выскочилъ впередъ.

Разсѣянность Скифъ-Миллера сразу исчезла. Красивая женщина больше не занимала его. Онъ смотрѣлъ на собаку и видѣлъ только ее; лицо его выражало большое удивленіе.

«Ну, хоть повѣсьте меня!» выговорилъ онъ медленно и торжественно.

Онъ опустился въ раздумьѣ на пень, оставивъ Мэджъ стоящей.

При звукѣ его голоса, уши Волка прижались назадъ, и онъ открылъ пасть для обычной улыбки. Онъ, медленной рысью, подошелъ къ незнакомцу, обнюхалъ его руки, а потомъ принялся усердно лизать ихъ языкомъ.

Скифъ-Миллеръ потрепалъ собаку по головѣ и медленно, но торжественно произнесъ: «Ну, пусть же меня повѣсятъ! «Извините меня, сударыня», сказалъ онъ черезъ минуту, «я такъ сильно удивленъ»...

«И мы удивлены тоже»... отвѣтила она. «Намъ не случалось раньше видѣть, чтобы Волкъ подходилъ къ чужимъ».

«Такъ вы его называете Волкъ?» спросилъ Миллеръ.

Мэджъ кивнула. «Но я не могу понять его ласковости къ

вамъ»... продолжала она. «Развѣ только потому, что вы изъ Клондайка. Знаете, онъ, вѣдь, тоже Клондайкская собака».

«Да, сударыня»... сказалъ Миллеръ разсѣянно. Онъ поднялъ одну изъ переднихъ ногъ Волка и сталъ разсматривать подошву лапы, сжимая и пробуя ее ногтемъ. «Довольно мягка»! замѣтилъ онъ. «Видно, давненько онъ не работалъ и не путешествовалъ».

«Замѣчательно», вмѣшался Вальтеръ, «какъ это онъ позволяетъ вамъ трогать его»!

Скифъ-Миллеръ всталъ и рѣзкимъ дѣловымъ тономъ спросилъ: «Давно ли этотъ Волкъ у васъ?»

Но тутъ вдругъ собака, прыгавшая и вертѣвшаяся около ногъ Миллера, открыла ротъ и залаяла!

Это былъ взрывъ лая, короткій и радостный, но это, несомнѣнно, былъ лай.

«Это новость для меня», замѣтилъ Скифъ-Миллеръ.

Вальтеръ и Мэджъ посмотрѣли другъ на друга. Чудо совершилось: Волкъ издалъ лай.

«Это еще первый разъ, что онъ пролаялъ», удивилась Мэджъ.

«И я впервые слышу его», согласился Миллеръ. Мэджъ улыбнулась ему. Этотъ человѣкъ, очевидно, былъ юмористъ.

«Ну, разумѣется», засмѣялась она, «вѣдь, вы его видѣли всего пять минутъ».

Скифъ-Миллеръ окинулъ ее пристальнымъ взглядомъ, какъ бы пытаясь угадать по ея лицу, не хитритъ ли она.

«Я думалъ, что вы поняли», проговорилъ онъ медленно. «Я думалъ, вы нашли истину, видя, какъ онъ узналъ меня. Это моя собака. Ее зовутъ не Волкъ, а Бурый».

«О! Вальтеръ, Вальтеръ!» испуганно крикнула Мэджъ своему мужу.

«Почему вы знаете, что это ваша собака?» спросилъ Вальтеръ.

«Потому что она моя»! получился отвѣтъ.

«Простое увѣреніе не есть доказательство», сказалъ Вальтеръ рѣзко.

Тихо и медленно Скифъ-Миллеръ развелъ руками, внимательно посмотрѣлъ на Вальтера, потомъ спросилъ, указывая на Мэджъ: «почему вы знаете, что она ваша жена? вы скажете: — потому, что она моя; — а я скажу, что простое увѣреніе не есть доказательство. Это собака моя. Я вскормилъ и вырастилъ ее; полагаю, что я долженъ признать ее. Посмотрите, и докажу вамъ это».

Скифъ-Миллеръ обратился къ собакѣ: «Бурый!» Голосъ его звучалъ рѣзко, и, при этомъ звукѣ, собака опустила уши, какъ бы ля ласки. «Направо, кругомъ!» Собака быстро повернулась ь правую сторону. «Смирно!» и собака стояла, какъ вкопанная, неподвижно глядя впередъ, подобно солдату, мастерски сполняющему команду.

«Я могу командовать имъ безъ словъ, только свистомъ», рдо сказалъ Скифъ-Миллеръ.

«Это моя передовая собака».

«Но, вѣдь, вы не уведете отсюда его съ собой?» боязливо, ь волненіемъ, спросила Мэджъ.

Миллеръ утвердительно кивнулъ.

«Назадъ туда, въ этотъ ужасный Клондайкъ, въ этотъ міръ страданія?»

Онъ опять утвердительно кивнулъ и прибавилъ: «О, это вовсе не такъ плохо. Взгляните на меня. Довольно хорошій образчикъ здоровья, не правда ли?»

— «Но, собакѣ-то! Какія страшныя страданія, разрывающій сердце трудъ, голодовки, невозможный морозъ! О, я читала про это; я знаю!»

— «Одинъ разъ я чуть было не съѣлъ этого Бураго около небольшой рѣки», мрачно согласился Миллеръ. «Не попадись онъ въ этотъ день лось, я бы неизбѣжно съ нимъ покончилъ».

«Я бы скорѣе сама умерла!» вскричала Мэджъ.

«Здѣсь у васъ все иначе», объяснялъ Миллеръ. «Вы не имѣете собакъ вообще и вы думаете иначе, пока сами не поѣдете туда. Вы никогда не бывали въ такихъ передрягахъ, такъ что ничего этого и не знаете».

«Въ томъ то и дѣло», съ жаромъ доказывала она. бакъ не ѣдятъ въ Калифорніи. Почему вамъ не остави здѣсь? тутъ онъ счастливъ. Онъ никогда не будетъ терпѣть статка въ пищѣ и не будетъ страдать отъ тяжелыхъ у жизни. У насъ здѣсь все проникнуто мягкостью и нѣжн Здѣсь нѣтъ дикости, ни въ людяхъ, ни въ природѣ. Он когда не узнаетъ вновь удара хлыста. Что касается пог такъ, вѣдь, здѣсь никогда снѣгу не бываетъ».

«Зато ужъ лѣтомъ здѣсь жаръ палитъ, какъ на по съ позволенія сказать», засмѣялся Скифъ-Миллеръ.

«Но вы не отвѣчаете», страстно продолжала Мэджъ. вы можете предложить ему въ этой сѣверной жизни?»

«Кашу, когда она у меня бываетъ; и другого ничего», залъ онъ въ отвѣтъ.

«Но, въ остальное время?»

«Тогда и безъ каши».

«А работа?»

«Да, работы много тяжелой», проговорилъ Миллеръ терпѣливо. «Работа нескончаемая, безъ отдыха, и голо морозъ, страшный морозъ, и всѣ остальныя бѣдствія—вот получитъ онъ, когда пойдетъ со мной. Но ему нравитс Онъ пріученъ къ этому. Онъ знаетъ эту жизнь и, кон помнитъ ее. Онъ родился въ ней и воспитывался для не вы ничего не знаете про это. Вы не знаете, о чемъ вы рите. Гдѣ сабака рождена, тамъ, значитъ, она и будетъ стлива».

«Собака не пойдетъ», объявилъ Вальтеръ рѣшитель голосомъ, «такъ что дальнѣйшія разсужденія безполезны

«Что вы говорите?» спросилъ Скифъ-Миллеръ, нас брови и покраснѣвъ.

«Я сказалъ, что собака не пойдетъ, и это рѣшаетъ не вѣрю, что эта собака ваша. Вы, можетъ быть, ее в прежде, даже могли когда-нибудь ѣздить на ней, вмѣс владѣльца. Она просто повинуется общепринятой команд поѣздкахъ въ Аляскѣ. Это еще не есть доказательство, что

ашъ. Каждая собака въ Аляскѣ стала бы повиноваться вамъ, акъ онъ повинуется. Помимо всего этого, Волкъ несомнѣнно ѣнный песъ, и это служитъ достаточнымъ объясненіемъ вашего еланія завладѣть имъ. Какъ бы то ни было, вамъ предстоитъ оказать права собственности на него».

Скифъ-Миллеръ, холодный и сдержанный, но съ еще болѣе окраснѣвшимъ лбомъ, съ огромными мускулами, напрягавшимися подъ чернымъ костюмомъ, старательно оглядѣлъ поэта, головы до ногъ, какъ бы мѣряя силу этого тонкаго человѣка.

Лицо пришельца изъ Клондайка приняло презрительное раженіе, когда онъ наконецъ сказалъ: «я считаю, что здѣсь видно ничего, могущаго помѣшать мнѣ взять собаку, теперь, йчасъ же».

Вальтеръ покраснѣлъ, въ свою очередь, и его, развитые упражненіемъ, мускулы рукъ и плечъ, казалось, выросли, натянулись окрѣпли. Испуганная жена его поспѣшила вмѣшаться.

«Можетъ быть, м-ръ Миллеръ правъ», сказала она. «Я юсь, что это такъ и есть. Волкъ, видимо, знаетъ его, и, немнѣнно, онъ откликается на имя «Бурый». Онъ сейчасъ же ружился съ нимъ; а ты знаешь, что ничего подобнаго у него съ кѣмъ не бывало. Кромѣ того, вспомни, какимъ образомъ онъ залаялъ. Онъ просто разрывался отъ радости. Отго же это?

«Безъ сомнѣнія, оттого, что онъ нашелъ м-ра Миллера».

Напряженные, было, мускулы Вальтера ослабли, и плечи о, казалось, опустились безнадежно.

«Полагаю, что ты права, Мэджъ», сказалъ онъ. «Волкъ знаетъ не Волкъ, а Бурый и, значитъ, онъ долженъ принадлежать ру Миллеру».

«Можетъ быть, м-ръ Миллеръ продастъ его намъ», подсказала она. «Мы можемъ купить его».

Скифъ-Миллеръ покачалъ головой, но уже не воинственно, дружески, спѣша быть великодушнымъ, въ отвѣтъ на великодушіе.

«У меня пять собакъ», сказалъ онъ, пріискивая какимъ путемъ объяснить свой отказъ. «Бурый былъ передовикомъ, а хорошія передовыя собаки чрезвычайно рѣдки и цѣнны. Что за отчаянная была эта запряжка! Во всей Аляскѣ не было ей подобной. Ни сравниться съ этими собаками, ни догнать ихъ никто не могъ. Въ 1898 году мнѣ предлагали пять тысячъ долларовъ (10.000 руб.) за эту запряжку; я отказался. Собаки были дороги тогда, разумѣется; но не изъ-за этого явилась такая баснословная цѣна, а изъ-за того, что самыя рѣдкостныя собаки были подобраны въ эту запряжку. Бурый былъ самый лучшій изъ всѣхъ. Ту зиму я отказался отъ нѣсколькихъ предложеній продать его. Мнѣ давали тысячу двѣсти долларовъ за него одного; и покупателю предстояло потратиться еще много, чтобы подобрать цѣлый поѣздъ, къ нему подстать; но онъ понималъ, что весь поѣздъ собакъ много зависитъ отъ хорошаго передового вожака; а я уже вамъ сказалъ, что подобнаго Бурому передового никто не видывалъ. Не продалъ я его тогда, не продаю и теперь. Я искалъ его три года. Я чуть, было, не заболѣлъ, когда узналъ, что его украли, — не изъ-за убытка, — но, я любилъ его, любилъ, какъ... ну, да вотъ и все. Я не могъ глазамъ повѣрить, увидавъ его тутъ сегодня. Я думалъ, что мнѣ грезится. Такое счастье мнѣ казалось неправдоподобнымъ. Да ужъ что тутъ! я вѣдь былъ его кормилицей. Я укладывалъ его въ постельку тепло и уютно, каждую ночь. Его мать околѣла, я выращивалъ его на сгущенномъ швейцарскомъ молокѣ, по доллара жестяночка, тогда какъ въ то время я не могъ себѣ позволить взять нѣсколько капель этого молока въ мой кофе. Онъ не зналъ другой матери, кромѣ меня. Онъ привыкъ постоянно сосать мой палецъ, глупый щенушка! — сколько времени терялъ я изъ-за него! А какъ мнѣ нужно было тогда работать, при моей бѣдности!—Вотъ этотъ самый палецъ!»

И Скифъ-Миллеръ, объятый волненіемъ, не могъ говорить, а только поднялъ указательный палецъ, показывая его имъ.

«Этотъ самый палецъ»! съ трудомъ проговорилъ онъ, бу

то подтверждало его право на Бураго и доказывало ихъ сер-ечную связь.

Онъ все еще глядѣлъ задумчиво на вытянутый палецъ, когда Мэджъ начала говорить.

«Ну, а собака», сказала она, «ее то вы принимаете во ниманіе?»

Скифъ-Миллеръ глядѣлъ недоумѣвающе.

«Подумали ли вы о собакѣ?» спросила она.

«Не понимаю, что̀ вы хотите сказать», былъ отвѣтъ.

«Можетъ быть, собака умѣетъ разобраться сама въ этомъ злѣ», продолжала Мэджъ. «Можетъ быть, у ней есть свои мпатіи и антипатіи. Вы про нее не подумали! Вы не дали й выбрать. Вамъ въ голову не пришло, что животное имѣетъ вои сильныя влеченія, вполнѣ сознательныя, какъ и отвраще-я. Вы не спросили себя, не предпочтетъ ли она Калифор-ію Аляскѣ? Вы заняты только тѣмъ, что вамъ нравится. Вы оступаете съ собакой, какъ будто она мѣшокъ картофеля, или озъ сѣна. Вы любите ее, а не приняли во вниманіе ея душу».

Это была новая сторона дѣла, и Миллеръ, видимо, былъ мущенъ и невольно задумался. Меджъ воспользовалась его не-ѣшимостью.

«Если вы истинно любите Бураго, то все то, что достав-яетъ счастье ему, должно также сдѣлать счастливымъ и васъ», оказывала она.

Скифъ-Миллеръ продолжалъ обдумывать, молча, а Мэджъ ржествующе бросила взглядъ на мужа, который отвѣтилъ ей воромъ жаркаго одобренія.

«Вы что думаете»? внезапно спросилъ Клондаецъ.

Теперь, въ свою очередь, недоумѣвала она.

Что вы хотите сказать»? спросила Мэджъ.

«Думаете вы, что Бурый скорѣй останется въ Калифорніи»? устно спросилъ онъ.

Она увѣренно кивнула головой: «я убѣждена въ этомъ».

Скифъ-Миллеръ сталъ опять разсуждать, самъ съ собою, теперь уже вслухъ и не сводя пытливаго взгляда съ жи-тнаго, о судьбѣ котораго шла рѣчь.

«Хорошій онъ былъ работникъ. Господи! сколько онъ работалъ на меня, и какъ всегда усердно! Онъ никогда отлынивалъ; а сколько онъ потрудился и сколько прин мýкъ, пріучая неумѣлыхъ и несъѣзженныхъ собакъ тяв дружно. Что за голова у него! умнѣе многихъ людскихъ, тыхъ вмѣстѣ! Это безспорно, говорю вамъ. Онъ все пон можетъ, только не далъ ему Богъ слова. Онъ понимаетъ что̀ ему говорятъ. Взгляните-ка теперь на него. Онъ зна что мы сейчасъ про него говоримъ».

Собака лежала у ногъ Скифъ-Миллера, положивъ гол на вытянутыя лапы, насторожив уши и прислушиваяс глаза ея быстро и упорно тоже слѣдили за говорящими, какъ улавливая звуки ихъ рѣчи.

«И онъ еще способенъ на долгую работу. Онъ еще дится на нѣсколько лѣтъ, и я люблю его».

Разъ или два послѣ этого, Скифъ-Миллеръ открывалъ р и опять закрывалъ его, не произнося ни слова. Наконе овладѣвъ собой, онъ сказалъ: «Я скажу вамъ, что̀ я сдѣл Ваши замѣчанія, сударыня, довольно вѣски. Собака измуч работой и, можетъ быть, она заслужила теплое убѣжищ хорошую пищу; а также, можетъ быть, она получила теп право выбрать себѣ сама, что̀ ей лучше. Ну, такъ и предос вимъ это ей. Что̀ она скажетъ, такъ тому и быть! Я спор не стану. Вы, господа, такъ и оставайтесь тутъ сидѣть. попрощаюсь съ вами и пойду, какъ ни въ чемъ не быва Если Бурый хочетъ остаться, пусть его остается. Если ему хочется идти за мной,—пускай идетъ. Я его не буду под вать къ себѣ, и вы не маните его обратно».

Онъ взглянулъ съ внезапнымъ подозрѣніемъ на Мэдж прибавилъ: «только, вы должны поступить честно. Ни уго ривать, ни ласкать его за моей спиной».

«Мы поступимъ честно», начала Мэджъ, но Скифъ-М леръ прервалъ ея увѣренія.

«Знаю я женскую манеру», объявилъ онъ. «Сердца у ж щинъ мягки. Когда сердца ихъ затронуты, онѣ способны

ать карты, подсмотрѣть подъ колодой и лгать, какъ дьяволъ,— звините меня, сударыня. Я говорю про женщинъ вообще».

«Я не знаю, какъ благодарить васъ», проговорила Мэджъ.

«Не вижу, за что вамъ благодарить меня», возразилъ онъ. Бурый еще не рѣшилъ. Ну, вы не обращайте вниманія, я отихоньку пойду, а ужъ вы скрѣпитесь и поступите честно, , вѣдь, скроюсь изъ виду саженъ черезъ сто».

Мэджъ согласилась и прибавила: «а я обѣщаю вамъ добровѣстно, что мы ничего не сдѣлаемъ, чтобы повліять на него».

«Ну, мнѣ теперь, пожалуй, пора собираться», произнесъ кифъ-Миллеръ тѣмъ тономъ голоса, какимъ обыкновенно говоятъ, при разставаніи.

При этой перемѣнѣ голоса, Бурый поднялъ голову быстро еще быстрѣе вскочилъ на ноги.

Когда Меджъ и Миллеръ пожимали руки другъ другу, онъ скочилъ на заднія ноги, оперся передними лапами на ея едро и, въ то же время, лизалъ руку Скифъ-Миллера. Когда отъ пожималъ руку Вальтеру, Волкъ повторилъ свое движеie: онъ оперся всей своей тяжестью на Вальтера и лизалъ уки обоихъ мужчинъ.

«Эта моя прогулка теперь не пикникъ, для меня это не утка,—могу вамъ сказать»! были послѣднія слова Клондайца, огда онъ повернулся и тихо пошелъ по тропинкѣ.

На разстояніи футовъ двадцати, Волкъ слѣдилъ за нимъ, есь взволнованный и возбужденный, какъ бы ожидая, что иллеръ обернется и придетъ обратно. Потомъ, жалобно звизгнувъ, Волкъ прыгнулъ за нимъ, догналъ его, осторожно хватилъ зубами его руку и, упершись ногами, пытался удерать его, всячески стараясь не причинять ему боли и застаить его остановиться.

Не успѣвъ въ этомъ, Волкъ побѣжалъ туда, гдѣ сидѣлъ альтеръ Ирвинъ, схватилъ зубами рукавъ его платья и тщетно тарался тащить его за удаляющимся человѣкомъ.

Разстройство Волка возрастало. Онъ хотѣлъ быть здѣсь и амъ. Ему нужно было быть въ двухъ мѣстахъ одновременно, съ

старымъ хозяиномъ и съ новымъ; а разстояніе между ними все увеличивалось. Онъ прыгнулъ возбужденно нѣсколько разъ, дѣлая короткіе нервные скачки и быстрые повороты, то къ одному, то въ сторону другого, не зная, на что рѣшиться.

Порывистымъ движеніемъ, онъ опустился на заднія ноги и сѣлъ, поднявъ высоко носъ, открывая и закрывая ротъ и, всякій разъ, открывая его все шире. Эти отрывистыя движенія рта совпадали съ повторяющимися судорогами, сжимавшими его горло, причемъ каждая новая судорога дѣлалась болѣе сильной и болѣе мучительной. И, вмѣстѣ съ этимъ, голосъ его началъ звучать, сперва глухо, потомъ раздалась низкая нота, самая низкая, какую только можно разслышать. Это все было, вслѣдствіе нервнаго, сильнаго потрясенія, которое должно было разрѣшиться воемъ.

Какъ разъ, когда вой этотъ готовъ былъ, вотъ, вотъ, вырваться, широко раскрытая пасть сомкнулась, припадки прекратились, и Волкъ долго и пристально сталъ смотрѣть вслѣдъ уходящему человѣку. Внезапно Волкъ повернулъ голову и, черезъ плечо, такъ же пристально смотрѣлъ на Вальтера. Этотъ призывъ его остался безъ отвѣта.

Ни слова, ни знака не дождалась собака, ни указанія, ни намека, какъ ей поступить.

Взглядъ, брошенный впередъ, туда, гдѣ старый хозяинъ приближался къ повороту тропинки, взволновалъ его снова. Онъ вскочилъ на ноги, съ жалобнымъ стономъ, напоминавшимъ тихій плачъ маленькихъ дѣтей; затѣмъ, какъ бы пораженный новой мыслью, обратилъ свое вниманіе на Мэджъ.

До сихъ поръ онъ не замѣчалъ ея, но теперь, теперь, оба хозяина измѣнили ему,—осталась она одна.

Онъ подошелъ къ ней и положилъ свою голову ей на колѣно, чуть чуть подталкивая ея руку своимъ носомъ,—его старая манера, когда онъ чего-нибудь просилъ. Онъ попятился отъ нея и началъ крутиться быстро, игриво, то дѣлая большіе круги, то поворачиваясь на мѣстѣ; онъ выдѣлывалъ разныя движенія, вскидывалъ задними лапами, рылъ передними землю.

весь дрожалъ и извивался, пытаясь всѣмъ своимъ тѣломъ, умоляющими глазами, приложенными назадъ для ласки ушами и быстро вилявшимъ хвостомъ, — выразить свою мысль возможно яснѣе и энергичнѣе, но произнести которую ему не было суждено.

Однако, это скоро онъ бросилъ. Онъ былъ подавленъ холоднымъ безсердечіемъ этихъ людей, которые никогда не были холодны прежде. Его бѣдное собачье сердце не получило отклика ни отъ одного изъ этихъ трехъ любимцевъ его. Никакого отвѣта не смогъ онъ извлечь отъ нихъ, никакой помощи не смогъ получить. Они отказались отъ него. Они были, какъ мертвые.

Онъ отвернулся отъ Ирвиновъ и, въ нѣмомъ горѣ, смотрѣлъ вдаль, вслѣдъ старому хозяину.

Скифъ-Миллеръ обходилъ поворотъ дороги. Еще минута, и онъ скроется изъ виду. Между тѣмъ, онъ ни разу не повернулъ головы, пробираясь прямо впередъ, медленно и спокойно, какъ бы не интересуясь тѣмъ, что происходило за его спиной.

Такимъ путемъ онъ скрылся изъ виду. Волкъ ждалъ, что онъ вновь появится. Онъ ждалъ долго, долго, тихо, молча, спокойно и неподвижно, какъ бы превратясь въ камень, но, въ то же время, камень, готовый оживиться жаркимъ, горячимъ чувствомъ. Онъ пролаялъ разъ и ждалъ. Потомъ онъ повернулся и подбѣжалъ обратно къ Вальтеру Ирвинъ. Онъ понюхалъ его руку и тяжело опустился къ его ногамъ, слѣдя взглядомъ за тропинкой въ ту сторону, гдѣ она поворачивала и, опустѣлая, терялась изъ виду.

Только ручеекъ, скользившій по камнямъ, поросшимъ мхомъ, казалось, зажурчалъ внезапно сильнѣе. Кромѣ пѣсни жаворонка, не слышно было ни звука. Большія желтыя бабочки тихо порхали на солнцѣ и терялись въ дремлющей тѣни.

Мэджъ смотрѣла торжествующе на мужа.

Нѣсколько минутъ спустя, Волкъ всталъ на ноги. Рѣшимость сдѣланнаго имъ выбора обозначилась сразу въ его движеніяхъ. Онъ не взглянулъ ни разу на Вальтера и Мэджъ.

Его глаза были устремлены на тропинку. Онъ рѣшилъ все одинъ, самъ съ собою.

Они поняли это. Они поняли, что для нихъ только теперь началось испытаніе.

Бурый двинулся впередъ мелкой рысью, и губы Меджъ невольно сложились для ласкательнаго звука, которымъ она хотѣла позвать собаку. Но звукъ этой ласки замеръ, не слетѣвъ съ ея губъ. Ее влекло взглянуть на мужа, и она увидѣла, съ какимъ строгимъ взглядомъ онъ слѣдилъ за ней. Свернутыя губы расжались, и она неслышно вздохнула.

Бурый изъ рыси перешелъ въ галопъ. Шире и шире становились его скачки. Ни одного разу не повернулъ онъ головы обратно; только волчья шерсть стала дыбомъ на его спинѣ, но быстрота его бѣга ни на одинъ мигъ не уменьшилась.

Онъ рѣзко перебѣжалъ поперекъ поворота тропинки—и навсегда скрылся изъ виду.

Чернышъ.

«Не безпокойтесь, сударь! мы еще успѣемъ къ поѣзду. Больше десятка лѣтъ я вожу путешественниковъ и еще ни разу не опаздывалъ».

— Однако...

«О, пожалуйста, не поглядывайте на часы. Часы вамъ не скажутъ того, что я вамъ скажу: здѣшній поѣздъ всегда опаздываетъ на четверть часа. Еще примѣра не было, чтобы здѣсь поѣздъ приходилъ безъ опозданія. Вотъ вы сами сейчасъ увидите!»

Однако мнѣ пришлось увидѣть совершенно другое: поѣздъ пришелъ вовремя, и я на него не попалъ. Возница мой былъ взбѣшенъ до нельзя; онъ сцѣпился съ начальникомъ станціи:

«Нужно предупреждать!» кричалъ онъ, «если ваши поѣзда начинаютъ приходить вовремя. Было-ли это когда-нибудь?» Потомъ, обратясь къ публикѣ, онъ приглашалъ всѣхъ въ свидѣтели: «скажите, пожалуйста, развѣ у насъ бывало, чтобы поѣзда приходили когда либо по росписанію! я не хочу быть виноватымъ передъ бариномъ! Поѣздъ по росписанію совсѣмъ у насъ неслыханная вещь! Прошу васъ, господа, подтвердите слова мои, что здѣсь этого никогда не бывало!».

Такимъ образомъ, мнѣ предстояло сидѣть три часа на станціи передъ двумя печальными горами, на верхушкахъ которыхъ виднѣлся снѣгъ, точно бѣлыя шапочки. Но, какъ убить эти длинные три часа?

Теперь пришла моя очередь обратиться за совѣтомъ, что̀

мнѣ дѣлать. Въ отвѣтъ послышался единодушный крикъ: «Ступайте посмотрѣть Шодронъ (котелъ), это интересно».

«А гдѣ же этотъ Шодронъ»? спросилъ я.

— «По горѣ, направо, на полпути до вершины».

Доброхотные совѣтчики, наперерывъ, давали мнѣ объясненія и указанія; но они сознавались сами, что безъ проводника я, пожалуй, туда не доберусь. Тогда опять также дружно принялись указывать мнѣ лучшаго проводника: «Вонъ, въ томъ домикѣ съ зелеными ставнями, вонъ, вонъ тамъ, видите бѣленькій домикъ; идите, все прямо; тамъ вы найдете дядю Симóна; это первый проводникъ у насъ».

Дойдя до бѣлаго домика, я постучался. Мнѣ отворила старуха.

«Здѣсь дяда Симóнъ»?

«Здѣсь то онъ здѣсь, но, если надо идти къ Шодрону»...— «Да, да, именно, мнѣ туда и надо».

— Ну, такъ онъ идти не можетъ; онъ совсѣмъ безъ ногъ; никакъ не можетъ идти! Но только мы вамъ дадимъ проводника, не хуже его. Вы не безпокойтесь; онъ васъ доведетъ прекрасно. Я сейчасъ ему скажу... Васъ поведетъ Чернышъ. Да! Вамъ, вѣдь, все равно, что онъ не человѣкъ?».

— «Какъ не человѣкъ!?».

«Да, это наша собака».

«Какъ ваша собака? «Ну, да, нашъ Чернышъ. Онъ привыкъ къ этому. Онъ не хуже, чѣмъ Симóнъ»...

— «Однако, знаете!»...

«Да вѣрьте ужъ мнѣ, что я вамъ говорю. Сколько лѣтъ его Симóнъ водитъ съ собой! Чернышъ отлично знаетъ дорогу, и всѣ интересныя мѣста знаетъ; онъ такой же проводникъ, какъ и мой старикъ. Одно только, что онъ говорить не можетъ. Ну, да, вѣдь, и зачѣмъ говорить? Вотъ, еслибъ памятники показывать, такъ надо разсказывать много, историческія имена, числа, подвиги... а, вѣдь, тутъ только красота природы. Ваши глаза сами увидятъ. Объяснять тутъ нечего. Возьмите Черныша. И вамъ это дешевле будетъ: мой мужъ беретъ три франка, а за Черныша половину».

— «Ну, хорошо; гдѣ же вашъ Чернышъ?»

— «Онъ лежитъ на солнцѣ въ саду, отдыхаетъ. Сегодня ужъ онъ водилъ англичанъ къ Шодрону. Я позову его. Чернышъ! Чернышъ!».

Однимъ прыжкомъ влетѣлъ Чернышъ черезъ окошко.

Это была маленькая и некрасивая черная собака, съ длинной, курчавой шерстью; очень она была невзрачна; только во всей фигурѣ ея было выраженіе важности, рѣшимости и серьезности. Прежде всего она взглянула на меня; этотъ взглядъ ясно высказалъ: «А, это путешественникъ! Онъ хочетъ видѣть Шодронъ».

Пропустивъ сегодня поѣздъ, я не хотѣлъ повторить этого вторично и я объяснилъ старушкѣ, что у меня только три часа времени на прогулку къ Шодрону.

«О, я знаю! сказала она. Вы хотѣли ѣхать съ поѣздомъ, въ четыре часа. Не бойтесь ничего, Чернышъ васъ приведетъ во время».

Но мнѣ показалось, что Чернышъ не очень расположенъ къ прогулкѣ. Онъ стоялъ неподвижно, поглядывая на хозяйку съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

«Ахъ, я глупая!» сказала старуха «главное то я и забыла... забыла сахаръ». Она пошла, достала изъ ящика четыре кусочка сахару и подала ихъ мнѣ: «вотъ почему онъ не хотѣлъ идти. Онъ понялъ, что у васъ сахару нѣтъ».

— «Ты видишь, Чернышъ? сахаръ есть у барина. Ну, ступайте въ путь... въ Шодронъ! въ Шодронъ! въ Шодронъ!».

Она повторила эти три слова очень медленно и очень громко; а я въ это время внимательно разсматривалъ собаку.

Чернышъ отвѣчалъ на слова хозяйки, дѣлая маленькіе знаки головой и усиливая ихъ. Онъ какъ будто хотѣлъ сказать: «Да... да... въ Шодронъ... я понялъ... у барина есть сахаръ... и мы пойдемъ въ Шодронъ... Я понялъ, что надо». Чернышъ не далъ хозяйкѣ договорить послѣдняго слова, точно обидѣвшись, что она такъ усиленно толкуетъ ему. Онъ живо повернулся, подошелъ ко мнѣ и, показывая взглядомъ на дверь, какъ будто бы говорилъ совершенно ясно:

— «Ну, что-жъ! пойдемте!»...

Я послушно пошелъ за нимъ. Мы отправились вдвоемъ; онъ впереди, а я сзади.—Дѣти, игравшія на улицѣ, узнали моего проводника.

«А, Чернышъ, здравствуй! Чернышъ!»...

Имъ хотѣлось поиграть съ собакой, но она пренебрежительно отвернулась отъ нихъ, съ видомъ собаки, которой нѣтъ времени забавляться, собаки, которая исполняетъ свою обязанность и должна заработать полтора франка. Одинъ изъ дѣтей закричалъ:

«Онъ ведетъ господина въ Шодронъ»!

«Здравствуйте, господинъ»! и всѣ остальные закричали «здравствуйте!» и всѣ расхохотались, повторяя: «здравствуйте!».

Я улыбался, но чувствовалъ себя неловко. Мнѣ хотѣлось скорѣй миновать деревню и остаться вдвоемъ съ собакой, передъ величіемъ красотъ природы.

Для начала эти красоты природы состояли вотъ въ чемъ: ужасная дорога, пыльная и жгучая, подъ тяжелыми, какъ свинецъ, лучами солнца.

Чернышъ шелъ проворно, и меня утомляло слѣдовать за нимъ. Напрасно я старался уговорить его не бѣжать такъ скоро: «постой, Чернышъ! Чернышъ, голубчикъ мой, не торопись! потише, Чернышъ, дай мнѣ вздохнуть!» Чернышъ оставался глухъ къ моимъ увѣщаніямъ; онъ продолжалъ себѣ бѣжать собачьей рысью, не внимая ничему. На него даже вдругъ нашелъ настоящій припадокъ гнѣва, когда я захотѣлъ присѣсть, подъ тѣнью деревца, на углу поля. Онъ принялся бѣшено лаять, смѣшнымъ жиденькимъ голосомъ, а глаза его, раздраженно, смотрѣли на меня...

Очевидно, я поступилъ противъ правилъ... Звуки лая были такъ визгливы и такъ несносны, что я всталъ, чтобы продолжать путь.

Черезъ нѣсколько минутъ, мы вышли на прелестную дорогу: кругомъ нея были все цвѣты; она была прохладна въ

тѣни деревьевъ, она вся благоухала, вся была полна свѣжести и журчанья ручейковъ...

Чернышъ тотчасъ же скользнулъ въ лѣсокъ, пустился вскачь, галопомъ, и исчезъ по извилистой тропинкѣ... Я послѣдовалъ за нимъ, немного запыхавшись.

Не прошелъ я и ста шаговъ, какъ нашелъ моего Черныша, который ждалъ меня, съ высоко поднятой головой, съ блестящими глазами, на красивой полянкѣ, похожей на зеленое зало, и оживляемой веселой пѣсенкой крошечнаго водопада. Подъ тѣнистымъ деревомъ была устроена простая широкая скамья. Взглядъ собаки нетерпѣливо переходилъ съ этой скамьи къ моимъ глазамъ, а съ моихъ глазъ на эту скамью. Я начиналъ понимать теперь языкъ Черныша.

Видимо, онъ хотѣлъ сказать мнѣ: «ну, вотъ другое дѣло; вотъ, гдѣ прекрасное мѣсто для отдыха... здѣсь хорошо! здѣсь свѣжо! ты былъ глупъ... ты, было, усѣлся, прямо, на солнцѣ!.. ну, вотъ здѣсь можешь присѣсть; я тебѣ позволяю».

Я такъ ясно прочелъ все это въ глазахъ Черныша, что остановился, присѣлъ и закурилъ сигару. Я даже сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы предложить ее ему. Онъ такъ уменъ, что, можетъ быть, онъ даже куритъ! Но я подумалъ, что онъ предпочтетъ кусочекъ сахару. Онъ ловко поймалъ его налету, быстро и съ наслажденіемъ сгрызъ, повертѣлся у моихъ ногъ, улегся и заснулъ. Должно быть, онъ привыкъ отдыхать на этомъ мѣстѣ и поспать немного.

Спалъ онъ не больше десяти минутъ. Между тѣмъ я былъ совершенно спокоенъ. Чернышъ начиналъ внушать мнѣ полное довѣріе. Я рѣшился слѣпо слушаться его. Онъ всталъ, потянулся, значительно посмотрѣлъ на меня, и я опять понялъ, что этотъ взглядъ означалъ: «ну, пойдемъ дальше, другъ, довольно отдыхать». И вотъ мы снова, какъ два старые друга, продолжали путь по лѣсу.

Налѣво показалась еще дорога, и въ тоже время произошло короткое замѣшательство Черныша. Онъ задумался. Потомъ онъ миновалъ дорогу... но, вотъ, онъ остановился. Онъ, должно

быть, ошибся... да, потому что онъ повернулъ назадъ, и мы пошли по дорогѣ налѣво, которая внезапно привела насъ, какъ бы къ естественному цирку; а Чернышъ, поднявъ носъ кверху, точно приглашалъ меня подивиться на высочайшую стѣну изъ скалъ, образовавшихъ этотъ циркъ...

Когда Чернышу показалось, что я насмотрѣлся довольно, онъ круто повернулся, и мы возвратились на прежнюю тропинку, въ лѣсъ. Чернышъ чуть не забылъ показать мнѣ циркъ, среди скалъ; но эту маленькую ошибку онъ живо исправилъ.

Дорога пошла теперь въ гору и становилась затруднительной. Я подвигался очень медленно и съ безконечными предосторожностями. Чернышъ, между тѣмъ, ловко перескакивалъ со скалы на скалу, но не покидалъ меня. Онъ дожидалъ меня, обращая на меня взгляды, исполненные самой трогательной заботы. Наконецъ, мнѣ послышалось что то въ родѣ кипѣнья; Чернышъ принялся радостно лаять. Я опять понялъ, что онъ говорилъ мнѣ: «бодрись, бодрись! мы сейчасъ придемъ; мы увидимъ Шодронъ (Котелъ)».

И, вотъ, мы, дѣйствительно, пришли къ Шодрону.

Это былъ очень скромный ручей, который падалъ тоже со скромной высоты; онъ падалъ, отпрыгивалъ и брызгалъ на большую скалу съ небольшой впадины. Любоваться особенно было нечѣмъ. Мнѣ было даже досадно, что я взобрался сюда съ такимъ трудомъ; но я не жалѣлъ объ этомъ потому, что моимъ спутникомъ былъ этотъ славный и милый Чернышъ. Онъ для меня былъ интереснѣе и замѣчательнѣе этого сомнительнаго чуда. По обѣимъ сторонамъ источника стоятъ два швейцарскихъ домика, въ которыхъ устроены молочныя. Ихъ содержатъ двѣ маленькія швейцарки: одна блондинка, другая брюнетка.

Обѣ онѣ, въ своемъ народномъ костюмѣ, поджидали меня, стоя на порогѣ своихъ домиковъ, совершенно похожихъ на игрушечные, будто сдѣланные машинной выпиловкой.

Мнѣ показалось, что у маленькой блондинки очень хорошенькіе глаза, и я уже направился къ ней, сдѣлавъ три-четыре шага, какъ Чернышъ, разразившись яростнымъ лаемъ,

рѣшительно преградилъ мнѣ путь. — Ему, вѣроятно, больше нравится маленькая брюнетка. Я перемѣнилъ направленіе и отгадалъ вѣрно. Чернышъ успокоился сразу, когда я сѣлъ за столикъ передъ игрушечнымъ домикомъ его избранницы.

Я спросилъ чашку молока. Брюнеточка, другъ Черныша, вернулась за молокомъ въ свою маленькую игрушку, а Чернышъ втерся за нею въ домикъ. — Въ полуоткрытое окно я слѣжу глазами за нимъ... негодный! ему услуживаютъ раньше меня! Это ему, первому подали большую чашку молока. Онъ былъ подкупленъ! Онъ получилъ взятку за то, что привелъ меня!

Послѣ этого Чернышъ вернулся ко мнѣ, и съ усовъ его скатывались бѣлыя капли; онъ съ довольнымъ видомъ глядѣлъ, какъ я пилъ мое молоко. Я бросилъ ему кусокъ сахару, и оба мы, вдыхая полной грудью живительный горный воздухъ, провели прелестныхъ полчаса отдыха на высотѣ четырехсотъ метровъ.

Однако, Чернышъ сталъ выказывать знаки нетерпѣнія. Теперь ужъ я читаю въ его глазахъ, какъ въ открытой книгѣ. Я понимаю, что пора идти!..

Я расплатился, всталъ и пошелъ направо, къ дорогѣ, по которой мы поднялись на гору, но Чернышъ всталъ налѣво, къ другой дорогѣ, и пристально смотрѣлъ на меня строгимъ внушительнымъ выраженіемъ. Какъ теперь легко мнѣ стало понимать это молчаливое краснорѣчіе умной собаки!

Какъ ясно я читалъ въ его глазахъ: «какого же ты мнѣнія обо мнѣ? неужели ты думаешь, что я тебя поведу два раза, по одной дорогѣ! совсѣмъ нѣтъ!.. Я хорошій проводникъ... я свое ремесло знаю... мы спустимся по другой дорогѣ».

Мы возвращались внизъ другой дорогой, которая значительно красивѣе первой. Чернышъ, живой и быстрый, безпрестанно оглядывался на меня съ веселымъ и торжествующимъ видомъ. Мы прошли деревню и дошли до станціи желѣзной дороги.

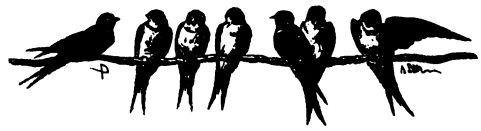
Къ Чернышу пристали три-четыре собаки, очевидно, изъ его друзей; имъ очень хотѣлось поболтать и поиграть немного

съ ихъ товарищемъ. Онѣ пытались остановить Черныша, но тотъ, сердясь и ворча, отдѣлался отъ ихъ заигрыванья.

«Вы видите, что я занятъ дѣломъ... я провожаю господина на поѣздъ».

Только въ залѣ, на станціи, онъ согласился разстаться со мной. Онъ съѣлъ весело два послѣдніе куска сахару.

И вотъ какъ я перевелъ себѣ прощальный взглядъ Черныша, моего умнаго спутника-проводника: «Мы пришли за двадцать минутъ. Я никогда не допускаю до опозданія. Ну, прощай, въ добрый путь!».



Смертельные враги.

Предъ вами правдивая исторія птички реполова и сѣрой бѣлки. Это трагедія; но вѣдь и всѣ правдивыя исторіи о животныхъ составляютъ трагедію. Извѣстный писатель о животныхъ, Эрнестъ Сетонъ Томпсонъ, совершенно вѣрно сказалъ, что жизнь каждаго дикаго животнаго кончается трагически.

Все это случилось въ шумной улицѣ многолюднаго города, гдѣ гремятъ телѣги ломовыхъ, гдѣ съ громомъ проносятся электрическіе моторы, слышатся звонки и многоголосый шумъ толпы. Трудно предположить, чтобъ такое веселое, безвредное созданье, какъ красногрудый реполовъ, могло бы имѣть врага. И тоже не легко вообразить, чтобы сѣрая бѣлка, такое же веселое и такое же безвредное животное, могла бы затѣять вражду. По какой-то причинѣ, извѣстной только этой бѣлкѣ, въ ея маленькой, покрытой сѣрымъ пухомъ груди, жила непримиримая ненависть къ реполовамъ.

Подъ моимъ окномъ росло большое грабовое дерево, въ которомъ никогда не переводились поколѣнія реполововъ. Каждый годъ можно было наблюдать изъ окна, какъ вылуплялась маленькая семья веселыхъ птичекъ и какъ нѣжно ихъ воспитывали и кормили заботливые родители, а, когда дѣтки подрастали, родители отпускали ихъ на волю, чтобы они сами заботились о себѣ, и, конечно, снабжали ихъ при этомъ, не знаю, какими совѣтами и наставленіями. Мы уже привыкли смотрѣть на этихъ птичекъ, какъ на самыхъ близкихъ друзей, и съ дружескимъ любопытствомъ наблюдали за тѣмъ, что у нихъ происходитъ въ гнѣздѣ. Но, вотъ, пришла весна и принесла съ собой бѣду. Мы не знаемъ, гдѣ жила сѣрая бѣлка и откуда она появилась. Но, какъ только птички начали завивать гнѣздо, та бѣлка показалась тутъ же на деревѣ и принялась досаждать

реполовамъ всякими способами и скверными выдумками, какіе только могли появиться въ ея маленькомъ злом мозгу.

Она растаскивала начатое гнѣздо, трещала безъ умолку, бранилась, по своему, фыркала, плевалась и дѣлалась такой злючкой, что мы потеряли терпѣнье и должны были вступиться, чтобы защитить нашихъ маленькихъ друзей отъ ея злобы.

Конечно, мы не желали повредить этой важной особѣ, ея превосходительству госпожѣ бѣлкѣ, но мы вѣжливо давали ей понять, что въ ея обществѣ не нуждаются.

Прогоняя ее постоянно, мы достигли того, что бѣлка, на нѣкоторое время, исчезла, и реполовы могли спокойно докончить свое гнѣздо. Можно предположить, что птички были благодарны за наше заступничество, потому что, ночью и утромъ, онѣ утѣшали насъ нѣжнымъ пѣніемъ и казались такой счастливой парочкой.

Мать уже нагрѣвала три хорошенькія яичка, изъ которыхъ, наконецъ, вылупились три дѣтеныша.

Они были пресмѣшные. Едва появившись на свѣтъ, они принялись открывать рты, прося пищи, и разѣвали ихъ, какъ можно шире, чтобы мать поторопилась положить туда что-нибудь.

Но, Боже мой! Явились птенцы, явилась и бѣлка: она казалась теперь еще болѣе рѣшительной и болѣе злой, чѣмъ прежде.

Птичка-мать почти не рѣшалась оставить гнѣзда ни на минуту; она казалась очень нервной, возбужденной, разстроенной. Если ей необходимо было полетать немного, реполовъ-отецъ сидѣлъ около гнѣзда, сторожа дѣтей.

Но, черезъ нѣсколько дней, мы были очень встревожены тѣмъ, что отецъ пересталъ появляться. Можетъ быть, онь залеталъ далеко, и мы просматривали его возвращеніе, только мы тоже начали безпокоиться и неотступно смотрѣли въ окно нашей спальни, опасаясь какого-нибудь случая съ птенчиками.

Но, если мы были на сторожѣ, то въ такой-же степени была бдительна и сѣренькая бѣлка; она имѣла свою цѣль и съ японской настойчивостью стремилась достичь ея.

Въ полдень птичка-мать вылетѣла поохотиться за червяками для дѣтокъ, и мы увидѣли, какъ бѣлка стремительно кинулась на дерево. Развѣвая своимъ пышнымъ хвостомъ, какъ

побѣдоноснымъ знаменемъ, бѣлка добралась до сучка съ гнѣздомъ, въ которомъ птички трепетали крылышками и попискивали, ожидая свою мать.

Наступила минута, которую дожидала бѣлка. Очевидно, что она составила свой планъ заранѣе, потому что, не пропуская секунды, она бросилась на гнѣздо... Мы растерялись, не зная чѣмъ предупредить катастрофу, а гнѣздо уже было сброшено внизъ.

Рѣзкій крикъ ужаса вырвался у птенцовъ, когда врагъ отодралъ гнѣздо съ мѣста; оно ударилось о жесткіе кирпичи мостовой, и, затѣмъ, все стихло, исключая болтовни и трещанья бѣлки. Она сидѣла на заднихъ лапахъ на вѣткѣ, гдѣ было гнѣздо, и ни малѣйшаго угрызенія совѣсти, послѣ совершенія злого дѣла, не было видно въ ея маленькихъ сверкающихъ глазкахъ.

Мы бросились во дворъ и подобрали гнѣздо въ надеждѣ, что птички какимъ-нибудь чудомъ спаслись отъ погибели. Но одинъ лежалъ вялый, мертвый; два другіе были совершенно разбиты и еле дышали отъ боли.

Нѣжно поднявъ ихъ съ гнѣздомъ, мы поднялись къ себѣ, положили все въ корзинку, поставили на подоконникъ и сѣли поблизости, чтобы посмотрѣть, что случится, когда вернется мать.

Вскорѣ она прилетѣла, направляясь къ дереву и держа въ клювѣ большого червяка. Кто знаетъ, что она почувствовала, когда увидала, что на вѣткѣ нѣтъ гнѣзда, а сидитъ и стрекочетъ сѣрая бѣлка!

Несчастная мать мгновенно поняла все. Она не хотѣла терять времени, чтобы теперь наказать злодѣйку; наказанье она отложила; а все свое испуганное материнское сердце она вложила въ отчаянный призывъ къ малюткамъ; и эти полумертвыя крошки, несмотря на свои страданія, слабо чирикнули ей въ отвѣтъ.

Она взлетѣла на подоконникъ и выражала свой испугъ и скорбь такъ ясно, какъ только можетъ выразить разумное существо. Все, что ей подсказывала ея материнская любовь, она пыталась испробовать, чтобы помочь своимъ несчастнымъ дѣткамъ.

Ея хлопоты и старанье растрогали насъ. Но маленькая мать-птичка не могла залѣчить разбитыхъ членовъ: ея птенчики черезъ нѣсколько минутъ испустили духъ.

Сѣрая бѣлка сидѣла на заднихъ лапкахъ, наблюда
этимъ всѣмъ, и черные глазки ея свѣтились злорадствомъ

Только напрасно торопилась она торжествовать, напрасно
дравляла себя съ побѣдой; лучше было бы для нея, если бы с
была такая смѣлая, а подумала бы о наказаніи, заслуженном

Когда бѣдная мать убѣдилась, что ея дѣти мертвы, он
пронзительнымъ, сердитымъ крикомъ, полетѣла къ де
устремляясь прямо къ этимъ злымъ блестящимъ глазкамъ,
бы твердо рѣшившись выклевать ихъ.

Злодѣйкѣ бѣлкѣ пришлось защищаться. Напрасно стар
она увернуться отъ разсерженной матери. Та преслѣдова
настойчиво.

Звѣрокъ обратился въ бѣгство, спускаясь съ дерев
помня себя, кое-какъ, обрываясь, падая и едва уцѣпив
за кору, срываясь опять; птичка не отставала. Бѣлка б
лась черезъ улицу. Птичка летѣла почти надъ землей, тюкая
носомъ въ голову и стараясь клюнуть въ глаза. Бѣлка б
лась черезъ заборъ на верхушку столба у воротъ; а репо
былъ тутъ-же, продолжая клевать и сердито чирикать.

Мы слѣдили за врагами, пока потеряли ихъ изъ вид

Рано утромъ, на другой день, подъ грабовымъ дер
лежала сѣрая бѣлка—мертвая. Несчастный звѣрокъ былъ
вально, на смерть, заклеванъ въ глаза и голову.

Сколько времени длилось преслѣдованіе—неизвѣстно;
должительна ли была послѣдняя неравная битва между пт
и четвероногимъ, трудно сказать; но птичка побѣдила.

Съ тѣхъ поръ мы никогда не видѣли реполова.

Такъ и не узнали мы, околѣла ли бѣдная мать отъ
полученныхъ въ сраженіи, когда она мстила за убійство св
дѣтенышей или она поторопилась уйти подальше отъ того м
гдѣ много выстрадала.

Но, только, съ тѣхъ поръ и по сіе время, реполовы не в
больше гнѣзда на грабовомъ деревѣ, подъ нашимъ окош

Ночь въ Сенъ-Бернардскомъ монастырѣ.

Двѣсти туристовъ отправились изслѣдовать Швейцарскія горы. Они взобрались очень высоко, какъ ихъ внезапно настигла снѣжная буря. Всѣ тропинки и дороги были мгновенно занесены снѣгомъ. Спасенія не было. Несчастнымъ путешественникамъ предстояла мучительная смерть. Они держались всѣ вмѣстѣ. Прошло нѣсколько мучительныхъ часовъ.

Вдругъ неожиданно, къ ихъ великому восторгу, передъ ними появились огромныя собаки, которыхъ путешественники радостно привѣтствовали: они догадались, что за ними пришли спасители изъ монастыря Сенъ-Бернарда.

Собаки провели ихъ тайной тропинкой въ монастырь. Не будь этой помощи, всѣ двѣсти человѣкъ неосторожныхъ путешественниковъ должны бы были неминуемо погибнуть.

Намъ тоже пришлось, однажды, присоединиться къ большой партіи путешественниковъ, отправляющихся на Сенъ-Бернардъ.

Мы поднимались, огибая острыя скалы, по очень крутому подъему, точно на домовую крышу; а тутъ рядомъ зіяла пропасть. Но всѣ мы были веселы и пріятно возбуждены отъ мысли, что скоро увидимъ легендарный Сенъ-Бернардскій монастырь.

И, вотъ, далеко впереди мы завидѣли его неясное очертаніе, какъ будто пятна на мѣсяцѣ, разобраться въ которыхъ невозможно. Еще нѣсколько подъемовъ, нѣсколько поворотовъ, напряженныхъ усилій, и на спокойномъ вечернемъ небѣ явственно и торжественно обрисовались сѣрыя стѣны.

Мы остановились невольно и стали прислушиваться.

Ни голоса, ни звука, кромѣ тихаго журчанья далекаго ручья.

Двери въ монастырь были открыты. Ни одной живой души, кромѣ двухъ огромныхъ псовъ, возсѣдавшихъ важно на широкихъ ступеняхъ изъ темнаго камня.

Черезъ минуту, въ открытыхъ дверяхъ показался молодой человѣкъ, одинъ изъ святыхъ отцовъ, какъ мы послѣ узнали,— настоятель монастыря.

Подъ словомъ джентльменъ принято подразумѣвать такого человѣка, который никогда не теряетъ своего достоинства, который, въ самыхъ трудныхъ случаяхъ жизни, остается ровнымъ и благодушнымъ, сохраняя вѣжливость и простоту обращенія.

Такимъ джентльменомъ представился намъ молодой настоятель. Всѣ мы единодушно нашли его очаровательнымъ.

Онъ производилъ удивительное впечатлѣніе. Въ немъ соединялась вѣжливость француза съ спокойной гордостью англичанина. Звукъ его голоса напоминалъ вкрадчивый тонъ итальянца и мечтательность нѣмца; его взглядъ былъ проницателенъ, какъ у американскаго янки. Голосъ и манеры его напоминали сердечность шотландца и остроуміе ирландца. Иначе трудно описать его.

Наша компанія состояла изъ разныхъ національностей, но каждый почувствовалъ въ этомъ настоятелѣ что то родное и близкое себѣ; вотъ почему мы отмѣтили въ немъ отличительныя черты разныхъ народовъ.

Но трудно описать его главную особенность: онъ былъ человѣкъ не нашего міра; въ его молодыхъ и прекрасныхъ глазахъ свѣтилась безконечная доброта, говорившая о святой вѣрности къ Богу. Почти юношески молодой, блондинъ, съ голубыми глазами, онъ стоялъ среди нашей шумной, веселой толпы, улыбаясь привѣтливо и ласково, отвѣчая на сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ вопросы.

Но мы чувствовали, что онъ не такой, какъ мы; что онъ живетъ въ сферѣ вѣчнаго покоя, не нарушаемаго людскими страстями. Въ то же время онъ удивилъ всѣхъ насъ своею проницательностью, быстротой и вѣрностью наблюденія.

Это выразилось въ томъ, что онъ размѣстилъ всѣхъ насъ, пятьдесятъ человѣкъ, такъ, что каждому комната пришлась совершенно по вкусу, какъ будто по заказу.

Мы были всѣ поражены. Онъ, точно колдунъ, сказалъ кто-то, когда настоятель оставилъ насъ на минуту. Въ пять минутъ онъ покорилъ всѣ наши сердца. Такому человѣку даже Маленькій Капралъ подарилъ бы старую трехуголку.

Накормили насъ въ монастырѣ прекрасно.

Обѣдъ былъ накрытъ такимъ образомъ, что къ срединѣ небольшого стола былъ поставленъ перпендикулярно другой, болѣе длинный, въ концѣ котораго занялъ мѣсто настоятель, имѣя всю нашу компанію передъ глазами.

Передъ началомъ обѣда, онъ прочелъ молитву. Обѣдъ казался намъ вкуснѣе, въ присутствіи этого милаго человѣка, съ такимъ открытымъ, честнымъ и добрымъ лицомъ. Мы всѣ были въ отличномъ расположеніи духа. И какой славный, длинный вечеръ провели мы около большого пылающаго очага!

Какъ скоро мы тутъ освоились, мы себя чувствовали будто старыми знакомыми въ монастырѣ. Разговоръ не переставалъ. Слышалась рѣчь французская и нѣмецкая; каждый предлагалъ свой вопросъ, все, что приходило въ голову.

Святой отецъ привѣтливо поворачивался, то въ ту, то въ другую сторону, внимательно вслушиваясь въ вопросы, чтобы отвѣтить какъ можно точнѣе.

Его слова составляли мозаику, примѣрно въ такомъ родѣ:— вы спрашиваете, барышня, что показываетъ термометръ у насъ сегодня, въ этотъ августовскій вечеръ? мнѣ сказали, что ртуть стоитъ на сорока пяти Фаренгейта. Да! Итальянская граница недалеко, всего пять минутъ разстоянія. Братъ Іоаннъ, распорядитесь, прошу васъ, чтобы имъ въ постели были положены грѣлки.

— Да, миледи, наша больница основана очень давно. Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ, графъ Бернардъ Савойскій, въ теченіе сорока лѣтъ своей жизни, принималъ и кормилъ путешественниковъ, которые только въ этомъ мѣстѣ могли переходить

[illegible] остановились невольно и стали перешептываться. [illegible] не звука, кроме тихаго журчанья [illegible] въ монастырь были открыты. Ни одной живой [illegible] двухъ огромныхъ иконъ, возсѣдавшихъ [illegible] на [illegible] изъ темнаго камня.

[illegible] минуту въ открытыхъ дверяхъ показался [illegible] однихъ изъ святыхъ отцовъ, какъ мы послѣ узнали, [illegible] монастыря.

[illegible] наблюденія приходилось подразумѣвать [illegible] который никогда не теряетъ своего достоинства [illegible] трудныхъ случаяхъ жизни, остается [illegible] сохраняя вѣжливость и простоту обращенія.

[illegible] представился намъ молодой [illegible] мы единодушно нашли его очаровательнымъ.

[illegible] удивительное впечатлѣніе. Въ немъ [illegible] француза съ спокойной гордостью [illegible] напоминалъ неподвижный типъ итальянца и [illegible] былъ проницателенъ, какъ у [illegible] и манеры его напоминали сердечн[illegible] [illegible] Иначе трудно описать [illegible]

[illegible] изъ разныхъ національностей [illegible] въ этомъ настоятелѣ что то родное и бли[illegible] [illegible] въ немъ отличительныя чер[illegible] [illegible]

[illegible] главную особенность: онъ былъ [illegible] въ его молодыхъ и прекрасныхъ [illegible] доброта, говорившая о [illegible] Почти юношески молодой, блондинъ, [illegible] стоялъ среди нашей шумной, весе[illegible] [illegible] привѣтливо и ласково, отвѣчая на [illegible] вопросы.

[illegible] мы чувствовали, что онъ не такой, какъ мы; [illegible] въ сферѣ вѣчнаго покоя, не нару[illegible] [illegible]. Въ то же время онъ удивилъ всѣхъ [illegible] внимательностью, быстротой и вѣрностью

...ыразилось въ томъ, что онъ размѣстилъ всѣхъ насъ, ...ъ человѣкъ, такъ, что каждому комната пришлась ...но по вкусу, какъ будто по заказу.

...были всѣ поражены. Онъ, точно колдунъ, сказалъ ...когда настоятель оставилъ насъ на минуту. Въ пять ...онъ покорилъ всѣ наши сердца. Такому человѣку даже ...й Капралъ подарилъ бы старую трехуголку.

...ромили насъ въ монастырѣ прекрасно.

...ъ былъ накрытъ такимъ образомъ, что къ срединѣ ...го стола былъ поставленъ перпендикулярно другой, ...инный, въ концѣ котораго занялъ мѣсто настоятель, ...о нашу компанію передъ глазами.

...ъ началомъ обѣда, онъ прочелъ молитву. Обѣдъ ка...мъ вкуснѣе, въ присутствіи этого милаго человѣка, ...ъ открытымъ, честнымъ и добрымъ лицомъ. Мы всѣ были ...ымъ расположеніи духа. И какой славный, длинный ...провели мы около большого пылающаго очага!

...скоро мы тутъ освоились, мы себя чувствовали будто ...знакомыми въ монастырѣ. Разговоръ не переставалъ. ...ась рѣчь французская и нѣмецкая; каждый предлагалъ ...просъ, все, что приходило въ голову.

...той отецъ привѣтливо поворачивался, то въ ту, то въ ...сторону, внимательно вслушиваясь въ вопросы, чтобы ...ъ какъ можно точнѣе.

...слова составляли мозаику, примѣрно въ такомъ родѣ:— ...ливаете, барышня, что показываетъ термометръ у насъ ...въ этотъ августовскій вечеръ? мнѣ сказали, что ртуть ...на сорока пяти Фаренгейта. Да! Итальянская граница ...всего пять минутъ разстоянія. Братъ Іоаннъ, распо... прошу васъ, чтобы имъ въ постели были положены

...а, вкладъ, наша больница основана очень давно. Де...дѣть тому назадъ, графъ Бернардъ Савойскій, въ теченіе ...своей жизни, принималъ и кормилъ путешествен... ...только ... этомъ мѣстѣ могли переходить

горы, раздѣляющія Италію и Швейцарію. По сіе врем
стараемся подражать доброму графу.

— Въ старину монастырь принималъ до двадцати тысяч
тешественниковъ; теперь ихъ не такъ много, потому что
шествовать стало легче, и черезъ монастырь идутъ очень
многіе. За то къ намъ приходитъ очень много нищихъ и
ныхъ тружениковъ, просящихъ работы. Всѣхъ такихъ м
держимъ у себя больше трехъ дней. Охотно мы оставили
ихъ дольше, но у насъ на это, къ сожалѣнію, не хва
средствъ.

Наши собаки произошли отъ двухъ породъ: пиреней
и ньюфаундлендской (водолазы).

Зимой путешественникамъ сюда не добраться; поэтому
устроили станцію для отдыха на самомъ высокомъ мѣстѣ,
проходитъ тропинка; тамъ, въ хижинѣ, пушественники вы
дены ждать, пока мы пришлемъ за ними собакъ, на шею
рыхъ мы привязываемъ съѣстные припасы.

Какъ бы ни была сильна буря, собаки никогда не сб
ются съ дороги, хотя тутъ путь не близкій и хотя снѣ
вьюга не позволяетъ имъ ни смотрѣть, ни обнюхивать до

Случается, что снѣгъ лежитъ глубиной до тридцати фу
Путешественники должны идти, не теряя изъ виду кон
хвоста собаки, который на подобіе флага развѣвается пе
ними. Кромѣ собакъ, и монахи обязаны выходить, даж
самую ужасную погоду.

— Хотя я сказалъ про обязанность, но это не означаетъ
нужденія: всѣ идутъ по доброй волѣ, вполнѣ охотно. Въ о
дурную погоду, я самъ иду съ ними.

Одна изъ барышень перебила настоятеля вопросомъ: а
вы занимаетесь лѣтомъ?

Настоятель отвѣчалъ съ мягкой улыбкой: лѣтомъ, бары
у насъ дѣла очень много: мы сами учимся и принимаемъ ученик

— Чему же вы учите?

— Всему, что долженъ знать священникъ: богословію, ф
софіи и законамъ церкви. Въ это лѣто у насъ было пя

тъ учениковъ. Мы всѣ очень любимъ чтеніе. Мы интере-емся всѣми современными событіями, исключая политики; олитическихъ статей мы никогда не читаемъ.

— А сколько вамъ лѣтъ?—спросилъ практическій янки.

— Мнѣ тридцать одинъ годъ.

Мы всѣ были удивлены: нашему милому хозяину нельзя ыло, по виду, дать больше двадцати трехъ лѣтъ, да и то еще ъ натяжкой.

— А давно ли вы здѣсь? — продолжалъ допрашивать аме-иканецъ.

— Одиннадцать лѣтъ, — отвѣтилъ монахъ;—и мое здоровье исколько не пострадало отъ этого; а вѣдь на этой высотѣ не сякій способенъ жить: передо мною смѣнилось три настоятеля, ъ четыре года; они всѣ хворали отъ здѣшняго горнаго воздуха.

— А зачѣмъ вы, такой молодой, живете здѣсь,—продол-жалъ настаивать американецъ.

Вспоминая это, я вижу передъ собой картину, достойную живописца: большая веселая толпа молодежи; впереди ея, какъ живой вопросительный знакъ, стоитъ длинный янки, а тутъ же, въ креслѣ, слегка облокотившись на него, сидитъ граціозный, красивый юноша-монахъ, въ своей длинной про-стой одеждѣ. Онъ съ нами, но онъ не нашъ. Глаза у него устремлены впередъ и немного кверху.

На неумѣстный вопросъ американца монахъ отвѣчаетъ сво-имъ тихимъ музыкальнымъ голосомъ спокойно и серьезно:— братъ мой, я здѣсь потому, что почувствовалъ призваніе.

Столько было простоты и искренности въ этомъ отвѣтѣ, что мы всѣ притихли и съ какимъ то благоговѣйнымъ удивленіемъ вглядывались въ диковиннаго молодого человѣка: по виду, со-всѣмъ юноша, богато одаренный, красивый и сильный, съ блестящими и полными энергіи глазами, онъ добровольно отрекся отъ всѣхъ радостей жизни, отъ всего, что такъ манитъ къ себѣ нетерпѣливую молодость.

Онъ пришелъ сюда, чтобы встать во главѣ нѣсколькихъ самоотверженныхъ людей и руководить ими для спасенія слу-

чайно забредшихъ путешественниковъ, большею частью, бѣдняковъ, которые появятся и уйдутъ, чтобы никогда больше не встрѣчаться. Даже въ простой дружбѣ долженъ отказать себѣ этотъ герой!

Онъ почувствовалъ призваніе т. е., въ сердцѣ его раздался голосъ Бога, на который, ни минуты не задумываясь, онъ отвѣтилъ: Я здѣсь, Господи, твой слуга слушаетъ Тебя!

Неугомонный янки, спустя нѣкоторое время, нашелъ еще случай исповѣдывать настоятеля, допытываясь, не жалѣетъ ли онъ иногда о своемъ рѣшеніи, не манитъ ли его шумная жизнь, съ ея неизвѣданными и незнакомыми ему радостями и соблазнами.

На этотъ разъ отвѣтъ монаха былъ цѣлой вдохновенной проповѣдью.

Самъ онъ происходилъ изъ достаточной и почтенной семьи. Съ дѣтства онъ любилъ поэзію, природу и книги. По его мнѣнію, люди нерѣдко портятъ себѣ жизнь своимъ нетерпѣніемъ и отсутствіемъ покорности Богу; они торопятся устроить себя, вмѣсто того, чтобы спокойно дѣлать свое дѣло, прилагая къ нему всѣ свои силы и изучая свои наклонности, не преслѣдуя никакихъ выгодъ; только въ этой тишинѣ и спокойствіи души можно услышать внутренній голосъ призванія.

Вѣдь, каждый счастливъ, по своему, по своей мысли, говорилъ монахъ; счастье одного человѣка иногда кажется другому смѣшнымъ и жалкимъ. Меня ваша жизнь не манитъ; вы удивляетесь моей, а я выбралъ ее самъ, добровольно, и я вполнѣ счастливъ.

Видя его блестящіе, радостные глаза, нельзя было не повѣрить ему, и мы съ чувствомъ пожали руку симпатичному настоятелю.

Въ насъ всѣхъ явилось какое-то чувство отрады, что мы попали въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ людского себялюбія, самоугожденія, корысти и всѣхъ тѣхъ пагубныхъ страстей, изъ-за которыхъ борются люди. Тутъ, въ этомъ монастырѣ, всѣ обитатели его имѣютъ общую цѣль жизни помогать другимъ.

Во время нашего разговора, монахъ машинально ласкалъ молодого огромнаго пса.

Онъ разсказалъ намъ, что этихъ собакъ они продаютъ. Ихъ окупаютъ, большею частью, швейцарцы, содержащіе гостиницы на другихъ высокихъ горахъ. Они разводятъ эту породу и торгуютъ ими, предлагая ихъ путешественникамъ.

Казалось бы, что такимъ образомъ порода эта должна была размножиться; а, между тѣмъ, этого нѣтъ; настоящіе сенъ-бернарды очень рѣдки. Они, большею частью, умираютъ очень скоро, точно скучая по роднымъ снѣгамъ. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что настоящіе монастырскіе псы очень долговѣчны.

Они любятъ свою дѣятельность. Въ каждую бурю, собаки сами просятся идти отыскивать путешественниковъ, а, такъ какъ всѣхъ посылать не нужно, то ихъ посылаютъ поочереди.

Намъ показали всѣхъ «спасателей».

Любуясь великолѣпными, благородными животными, мы невольно подумали, что и они любятъ свое призваніе и тоже счастливы своимъ особеннымъ рѣдкимъ счастьемъ, которое понять могутъ только существа, отмѣченныя Богомъ: они живутъ не для себя.

Рано утромъ мы проснулись, услыша торжественное пѣніе монаховъ. Хоромъ управлялъ настоятель.

Никогда еще вѣра не казалась намъ болѣе святой и болѣе привлекательной, какъ теперь, когда изъ церкви долетали до насъ звуки молитвы, освященной вѣками христіанскаго пѣснопѣнія: «Тебѣ Бога хвалимъ, Тебѣ Господа исповѣдуемъ».

Пожаръ въ конюшнѣ.

Въ наше время положительно нельзя читать газетъ безъ внутренняго содраганія: столько въ нихъ описывается совершающихся ужасовъ, недостойныхъ и низкихъ поступковъ. Несомнѣнно, что, подобное чтеніе пагубно вліяетъ читателя.

Не станемъ говоритъ про молодежь; но даже на людей пожилыхъ это чтеніе вредно дѣйствуетъ. Мы такъ привыкаемъ ко всѣмъ этимъ ужасамъ, что перестаемъ возмущаться ими. Мы считаемъ это въ порядкѣ вещей и получаемъ ложное понятіе о мірѣ, въ которомъ не мало совершается великихъ и добрыхъ дѣлъ, но они, къ сожалѣнію, остаются неизвѣстными. А между тѣмъ, разсказы о прекрасныхъ поступкахъ не только вызываютъ хорошія чувства, но и вдохновляютъ къ подражанію имъ. Поэтому никогда не надо замалчивать добраго дѣла и благороднаго поступка. Если молодежь читаетъ въ газетахъ разные ужасы, то пусть она знаетъ, пусть она слышитъ и про хорошіе случаи! Молодежи особенно свойственно подражаніе; тогда, читая про то и другое, ей, покрайней мѣрѣ, будетъ выборъ между разными примѣрами.

Съ удовольствіемъ приводимъ здѣсь одинъ дѣйствительный случай не преступленія и эгоизма, а состраданія и храбрости. Подобные случаи стоитъ запоминать и имъ подражать.

Нынѣшней весной, выдался особенно прекрасный вечеръ; его тишина была нарушена внезапно криками: «пожаръ! пожаръ!» Затѣмъ, показался народъ, бѣгущій по направленію къ конюшнѣ.

Вѣсть о пожарѣ всегда наводитъ ужасъ, что бы ни го-
ѣло, — конюшня, сѣнной сарай, или жилой домъ; но изъ
сѣхъ животныхъ лошадь всего труднѣе спасти отъ пожара.
то терпѣливое животное, при видѣ пожара, начинаетъ дро-
ать всѣмъ тѣломъ и становится какъ бы парализованнымъ
почти нѣтъ вѣрнаго способа вывести его изъ огня.

Говорятъ, что лошади надо завязать глаза и тогда, взявъ ее
а поводъ, вывести вонъ. Другіе говорятъ, что лошадь пой-
етъ за охапкой сѣна, или за мѣрой овса; или ей надо на-
ѣть хомутъ, и тогда, вслѣдствіе привычки къ послушанію,
ошадь позволитъ вывести себя.

На этотъ разъ, когда сдѣлался пожаръ, въ конюшнѣ была
дна лошадь и три обезьяны. Для нихъ была поставлена въ
конюшнѣ керосиновая лампа.

Зябкія мартышки, вѣчно проказящія, вѣроятно, задрались
изъ-за этой лампы, около которой онѣ любили грѣться.

Однимъ словомъ, лампа была опрокинута, и огонь быстро
окружилъ несчастныхъ животныхъ. Мучительная смерть каза-
лась неминуемой.

При конюшнѣ, на грѣхъ, никого не было въ это время:
то случается часто, когда хозяевъ нѣтъ дома. Несчастныя
животныя были отдѣлены только однимъ пустымъ стойломъ и
ъ ужасомъ смотрѣли, какъ огненные языки лизали потолокъ
стѣны.

Народъ быстро собрался; слышались толки, восклицанія и
поры, но помощи животнымъ не давалъ никто.

Бѣдныя жертвы, трепеща и содрагаясь отъ ужаса, почти
же теряли сознаніе, страшно страдая отъ жары и дыма; они
ереносили такую предсмертную муку, описать которую нельзя
икакими словами.

Обезьяны, сначала испускавшія дикіе крики, теперь пере-
стали метаться и плакать; онѣ тѣсно прижались, одна къ
другой, невыносимо страдая отъ дыма, душившаго ихъ; а бѣд-
ная лошадь все дрожала сильнѣе; глаза ея, полные ужаса и
нѣмой, но краснорѣчивой мольбы, были устремлены на толпу

людей, отъ которыхъ, за свою покорную, усердную службу
она могла ждать помощи и спасенья.

Вѣдь не одно же любопытство собрало здѣсь эту толпу
вѣдь не все же въ ней люди безучастные и безсердечные
Неужели между ними не найдется хоть одного добраго, со
страдательнаго любителя безсловесныхъ животныхъ, человѣч
наго, способнаго на подвигъ самопожертвованія, достойнаго
однимъ словомъ, имени человѣка!

«Я не люблю обезьянъ», вскричалъ кто то въ толпѣ; но
это не причина для того, чтобы не сдѣлать ни малѣйшаго
усилія спасти ихъ отъ мучительной ужасной смерти. Ну, л
лошадь то часто умнѣе хозяина, которому она служитъ и ко-
торый ее бьетъ. Лошадь самое благородное, самое усердное и
покорное изъ всѣхъ Божьихъ созданій, которая, подобно со-
бакѣ, не щадитъ своей жизни для человѣка. Неужели ей пред-
стоитъ заживо сгорѣть только потому, что во всей этой
толпѣ каждый человѣкъ думаетъ только о себѣ одномъ?

Но нѣтъ! Вотъ появляется какой то молодой человѣкъ, с
добрымъ привѣтливымъ лицомъ; онъ не можетъ видѣть стра
даній животныхъ, совершенно безпомощныхъ и не умѣющих
попросить за себя.

Вновь пришедшій оказался, какъ послѣ выяснилось, докто
ромъ. По своей профессіи, онъ былъ готовъ, каждую минут
жертвовать собой для ближнихъ. И теперь онъ поступил
также.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ заглядываетъ въ конюшню, ви
дитъ молящіе глаза лошади и, не задумываясь, лихо прыгает
туда, черезъ дымъ и пламя, уже подходившіе къ дверямъ...

Громкимъ голосомъ онъ весело и ласково окликаетъ ло
шадь, быстрыми движеніями схватываетъ въ охапку, уже почт
безжизненныхъ мартышекъ, прыгаетъ верхомъ на лошадь
продолжая ласкать и ободрять ее голосомъ, сильно толкает
ее ногами къ выходу.

Добрый порывъ его увѣнчивается успѣхомъ: черезъ мги
венье лошадь и всадникъ спасены; они выбрались на чисты

оздухъ, и восхищенная толпа привѣтствуетъ ихъ громкими укоплесканіями.

Докторъ передаетъ лошадь одному изъ зрителей, приказывая одить ее на чистомъ воздухѣ. Самъ же быстро удаляется.

Толпа получила наглядный урокъ, который, мы надѣемся, е пропадетъ даромъ. Восторгъ и взрывъ восклицаній дока-ываетъ это.

Дай Богъ, вездѣ побольше такихъ примѣровъ!

Въ прошломъ году въ Парижѣ, въ одной конюшнѣ, 60 ло-адей сгорѣли живыми. Быть можетъ, присутствіе духа какого-ибудь великодушнаго героя спасло бы этихъ преданныхъ слугъ человѣка.

Собаки въ полицейской должности.

Было время, когда въ Англіи и въ другихъ странахъ собаки служили людямъ и работали на нихъ. Онѣ были вьючными животными, перевозя тяжести и своихъ хозяевъ. Онѣ работали, какъ невольники, въ минахъ, подъ землею, или бѣгали въ колесѣ на кухнѣ, чтобы вертѣть вертелъ съ жаркимъ.

Теперь люди стали образованнѣе: мысль и чувства проснулись и взяли сторону друзей человѣка.

Въ Англіи изданы законы, запрещающіе заставлять собакъ работать. Во Франціи тоже. Въ Англіи собака уже пользуется свободой и жизнь не тяготитъ ея. Собакъ берутъ на охоту, водятъ на выставки, чего, впрочемъ, собаки терпѣть не могутъ.

И вообще англичане очень любятъ собакъ.

Но въ Бельгіи раньше всѣхъ придумали употреблять собакъ на совершенно иную службу. Тамъ, какъ и во многихъ земляхъ, нынче развелось очень много мошенниковъ, самыхъ отчаянныхъ. Они всегда вооружены и дѣйствуютъ такими дружными шайками, что не рѣдко полиціи не справиться съ ними.

Зная это, одинъ изъ членовъ полиціи додумался до счастливой мысли брать съ собою собаку, во время ночного обхода въ городѣ.

Съ тѣхъ поръ ни одинъ мошенникъ не успѣвалъ ускользнуть отъ этого полицейскаго. Собака такъ умна, такъ проворна и такъ беззавѣтно предана своему хозяину, что она съ восторгомъ работаетъ для него, если только ей дали хорошо понять, что отъ нея требуютъ.

Въ городѣ Гентѣ, сильно перерѣзанномъ каналами, полномъ торговыхъ огородовъ и имѣющемъ множество доковъ, представляется слишкомъ много искушеній для мошенниковъ и воровъ. Вотъ здѣсь-то и устроили первый отрядъ полицейскихъ собакъ.

Какъ доброе сѣмя, упавшее на хорошую землю, это учрежденіе собачьей полиціи привилось и къ другимъ городамъ. Но особенно ихъ много въ Брюсселѣ.

Собачья бригада при полиціи не имѣетъ ничего общаго съ правительствомъ. Это его не касается, а собаки содержатся городской думой на добровольные взносы обывателей какого-нибудь квартала.

Такимъ образомъ, собачья полиція распространена не по всему Брюсселю: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея нѣтъ. Однако, польза отъ нея такъ очевидна, что можно несомнѣнно предсказать, что, въ ближайшемъ будущемъ, рѣшительно всѣ захотятъ завести собачью полицію. Теперь, гдѣ она есть, кражи и мошенничества совершенно прекратились. Собаки прослѣдили всѣхъ подозрительныхъ личностей и неустанно ихъ преслѣдуя, выгнали ихъ за предѣлы своихъ участковъ.

Въ Брюсселѣ есть огромный приходъ, при церкви св. Гилля. Въ немъ много великолѣпныхъ домовъ и большой паркъ, но еще много свободной земли и начатыхъ построекъ, гдѣ удобно скрываться мошенникамъ.

Вотъ тутъ то устроена главная квартира собачьей полиціи, подъ управленіемъ комиссара Кёнъ. Онъ обучаетъ собакъ и назначаетъ ихъ на должности.

Дума предоставила ему домъ и квартиру безвозмездно. Есть большой садъ, въ которомъ устроены удобныя помѣщенія для собакъ; на содержаніе ихъ онъ получаетъ посуточно; кромѣ того, ему щедро уплачиваются случайные расходы.

Когда мы посѣтили этихъ новыхъ стражей порядка, они привѣтствовали насъ цѣлымъ хоромъ громкаго лая изъ двѣнадцати здоровыхъ собачьихъ глотокъ. Эти собаки всѣ изъ породы бельгійскихъ овчарокъ, съ длинной черной шерстью. Мы залюбовались прекрасными, красивыми, умными животными съ чрезвычайно живыми глазами.

Наблюдательность, смѣтливость и умъ свѣтились въ ихъ взглядахъ и доказывали ихъ способность къ полицейской службѣ. Передъ нами были счастливыя существа, нашедшія себѣ дѣло, по вкусу и по призванію.

У каждой собаки есть своя загородка для прогулки; а нѣсколько счастливыхъ матерей семейства устроены отдѣльно въ удобныхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ благодушно няньчатся съ уморительными клубочками, бродящими съ трудомъ на слабыхъ ножкахъ: это щенята — все маленькіе полицейскіе.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ рожденія, маленькія полицейскія собачки поступаютъ въ приготовительную школу, хотя, по всему видно, что старыя собаки какимъ то таинственнымъ образомъ уже успѣли сообщить щенятамъ очень многое изъ ихъ будущихъ обязанностей.

Попадаются такіе талантливые щенки, что оканчиваютъ свое ученье къ году; но комиссаръ Кѣнъ говорилъ намъ, что онъ предпочитаетъ начинать учить ихъ около двухъ лѣтъ отъ роду. Къ этому времени собаки уже успѣваютъ поумнѣть, научаются владѣть собою и исполнять приказанія болѣе сдержанно, точно и осмысленно.

Молодыя же собаки слишкомъ поддаются волненію и увлекаются; между тѣмъ, весьма важно избѣжать этого, потому что собака должна исполнять приказанія буквально: иногда нужно сильно искусать злоумышленника, иногда только напугать и т. п.

Въ три мѣсяца, можно приготовить собаку на дѣйствительную службу. По сдачѣ экзамена, собаку осматриваетъ ветеринаръ и записываетъ ее въ книгу, подъ именемъ полицейскаго сторожа «А» или «Б» и т. д.

Каждой собакѣ дается особый хозяинъ; но она, конечно, знаетъ всѣхъ другихъ полицейскихъ и повинуется имъ, дружитъ съ ними, какъ съ добрыми товарищами, и должна находиться неотступно при своемъ начальствѣ.

Служба начинается, при наступленіи сумерекъ. Собаки сопровождаютъ тѣхъ полицейскихъ, которые назначены въ обходъ въ опасныя мѣста, въ захолустныхъ улицахъ, гдѣ

много необитаемыхъ домовъ, однимъ словомъ, гдѣ могутъ укрываться мошенники.

Они ходятъ дозоромъ извѣстное число часовъ,—первое дежурство отъ 9—1 часу, второе отъ 1—4 ч., причемъ собаки очень усердно несутъ свою службу. Онѣ положительно съ восторгомъ относятся къ ней и нетерпѣливо ждутъ своей очереди.

Собака, по инстинкту, перешедшему отъ предковъ, любитъ охотиться.—Если она живетъ въ городѣ безъ дѣятельности, лежа безъ движенія по цѣлымъ днямъ, то она выноситъ эту жизнь, только ради любви къ хозяину, чтобы не покидать его; но вполнѣ собака счастлива только тогда, когда можетъ слѣдовать своему первоначальному инстинкту. Вотъ почему бельгійцы поступили очень удачно, учредивъ собачью полицію противъ полчищъ хулигановъ, позорящихъ начало двадцатаго вѣка.

Когда собака пойметъ, что ей надо охотиться за человѣкомъ, она съ наслажденіемъ предается этой охотѣ. Кто внимательно присматривался къ нравамъ и наклонностямъ собакъ, тотъ знаетъ, что собаки почти неизмѣнно аристократы: онѣ любятъ пурпуръ и тонкое бѣлье и терпѣть не могутъ лохмотьевъ.

Послѣ этого неудивительно, что собачья полицейская бригада въ Брюсселѣ страшно преслѣдуетъ мошенниковъ, воровъ и вообще всѣхъ оборвышей. Одно только отравляетъ собакамъ удовольствіе ночного обхода: имъ надѣваютъ на это время особый намордникъ, во избѣжаніе отравленной приманки, которую собачьи враги приготовляютъ очень заманчиво.

Несмотря на намордникъ, собака не только можетъ схватить человѣка, но даже можетъ доставить себѣ удовольствіе порядочно покусать его и полаять, а это внушительно дѣйствуетъ на дурныхъ людей.

Намордникъ устроенъ на резинкѣ такъ ловко, что полицейскій, по своему желанію, можетъ позволить собакѣ кусаться и можетъ остановить ее. Въ Гентѣ всѣ полицейскія собаки снабжены непромокаемыми плащами. Онѣ почти всѣ изъ породы овчарокъ.

Германія тоже завела собачью полицію, но безъ намордниковъ. Бельгійцы, однако, признаютъ неудобнымъ отмѣнить

намордники, во избѣжаніе судбищъ съ покусанными ворами. Въ Германіи же другое дѣло: тамъ народъ уважаетъ законъ и повинуется ему безпрекословно; тамъ, если бы полицейская собака искусала вора напрасно, только по одному подозрѣнію, то никто не подумалъ бы возмущаться этимъ. Вѣдь, собака кусалась, по приказу правительства; она состоитъ на службѣ; слѣдовательно, она исполняла свой долгъ, и сердиться тутъ нечего!

Чтобы получить понятіе, какъ работаютъ эти собаки, надо ихъ видѣть на репетиціи или на обученіи, каждый вечеръ, при наступленіи сумерекъ.

Это происходитъ вблизи дома комиссара Гилля, въ большомъ паркѣ. Выбираютъ мѣсто дикое, поросшее кустарникомъ; полицейскій проходитъ, какъ будто дѣлая свой ночной обходъ; собака бѣжитъ за нимъ, а иногда онъ ведетъ ее на привязи, съ которой она можетъ быть освобождена мгновенно.

При малѣйшемъ подозрѣніи какого нибудь шума или шороха, собака безшумно идетъ впередъ и оглядывается на хозяина. Тотъ моментально освобождаетъ ее отъ цѣпи и отдаетъ короткій приказъ: «ищи»! Не успѣетъ онъ кончить этого слова, какъ уже собака радостно дѣлаетъ прыжокъ и громко лаетъ; но это въ томъ случаѣ, если она кого нибудь нашла.

Происходитъ скрытая борьба, собаку бьютъ иногда мошенники очень сильно; оборванецъ, самаго сквернаго вида, пытается вырваться и убѣжать, но собака упорно нападаетъ на него, ловитъ и держитъ зубами.

Несмотря на то, что̀ ей достается отъ ударовъ ногами и отъ побоевъ, собака видимо наслаждается борьбой и торжествующе гонитъ его на полицейскаго, который подбѣгаетъ и отзываетъ собаку. Съ какимъ сожалѣніемъ она оставляетъ свою добычу!

Схваченнаго мошенника живо ведутъ въ полицію; собака сопровождаетъ его и гонитъ, какъ овцу; зорко слѣдя за малѣйшимъ намѣреніемъ удрать, она глухо ворчитъ и дѣлаетъ отчаянные прыжки всю дорогу, давая понять, что можетъ сейчасъ схватить за горло.

Несмотря на наручники, бродяга пытается бить собаку и авать ей пинки ногами все время шествія; однако, собака ордо идетъ, съ сознаніемъ исполненнаго долга, и не обращаетъ а него ни малѣйшаго вниманія.

Необыкновенная польза собачьей службы заключается въ омъ, что воръ не можетъ уйти отъ нея: еслибъ онъ даже мѣшался съ толпой, то чутье собаки всегда его отыщетъ. остаточно собакѣ одинъ разъ обнюхать мошенника, она уже апомнитъ его!—Никакое переодѣванье, ни гриммировка не поогутъ ему! Необъяснимое чутье собаки служитъ ей вѣрнымъ казателемъ того, кого она ищетъ. А полицейскія собаки не юбятъ, чтобъ добыча уходила отъ нихъ.

Хотя и чрезвычайно рѣдко, но бывали случаи, что опытный, скусный воръ успѣвалъ убѣжать.

Жалко тогда бываетъ смотрѣть на собаку: она волнуется, вется бѣжать въ городъ, такъ что приходится держать ее заперти. При этомъ она отказывается отъ ѣды, безпокойно родитъ и глухо ворчитъ, точно угрожая своему врагу, что на, все таки, найдетъ его. Даже, во снѣ, эта собака по временамъ обиженно лаетъ и безпокойно вздрагиваетъ безъ причины: вѣроятно, во снѣ она переживаетъ борьбу и воображаетъ себя побѣдительницей.

Какъ то разъ, одинъ изъ полицейскихъ, будучи свободнымъ отъ службы, пошелъ по городу, взявъ съ собой собаку. (Вообще собакъ даютъ на прогулку людямъ, любящимъ животныхъ). Когда онъ сидѣлъ въ кафе, разговаривая съ знакомыми, то замѣтилъ, что собака его, до тѣхъ поръ спокойно спавшая подъ столикомъ, вдругъ чутко насторожилась, подняла голову и осторожно привстала.

Чрезъ мгновенье она уже была на другой сторонѣ улицы, отчаянно трепля какого то молодца, сидѣвшаго тоже въ кафе за кружкой пива.

Несмотря на негодованіе жертвы, сосѣди не были расположены серьезно вступаться за него, хотя они не давали собакѣ кусать ея врага, но, однако, не дали ему и уйти; всѣ

узнали полицейскую собаку и догадались, что она явилась не безъ причины. Это подозрѣніе подтвердилось, при дознаніи: молодой человѣкъ оказался изъ шайки воровъ, «работающихъ» въ театрахъ, церквахъ, въ кафе и т. п.

Вѣроятно, онъ былъ тотъ самый, которому посчастливилось убѣжать отъ этой собаки. Одинъ только разъ она обнюхала его и уже не позабыла. Въ карманахъ схваченнаго человѣка нашли цѣлый складъ портмонэ, дамскихъ часовъ, портсигаровъ и т. п.

Собака кружилась отъ радости, весело лаяла и визжала. Хвостъ ея вторилъ ея чувствамъ, когда она подбѣгала ласкаться къ окружающимъ, принимая ихъ ласки и поздравленія.

Публика тутъ же сдѣлала сборъ въ пользу этого сторожа, и собакѣ купили серебряный ошейникъ съ надписью: «вѣрному сторожу признательные горожане».

Надо ли говорить, что воры ненавидятъ этихъ собакъ и, отправляясь на выгодную добычу, собираются шайкой, съ которой одной собакѣ, конечно, не справиться. Двѣ собаки были убиты мошенниками.

Они даже ставятъ имъ капканы, заманивая бѣдное животное въ ловко устроенную западню. Но не дремлютъ и полицейскіе. На одного изъ нихъ злобно напало нѣсколько воровъ; вѣрная собака, не жалѣя себя, отчаянно дралась за своего хозяина. На нее сыпались удары, а пинки отбрасывали ее далеко въ сторону. Ей удалось такъ больно укусить одного мошенника, уже схватившаго полицейскаго за обѣ руки, что тотъ выпустилъ своего плѣнника и кинулся на собаку. Въ это время полицейскій успѣлъ затрубить въ рогъ (служащій вмѣсто свистка, употребляемаго въ другихъ странахъ).

Прежде чѣмъ товарищи могли придти на помощь къ одинокому полицейскому, двѣ огромныя собаки уже неслись стремглавъ черезъ заборы и кусты, самымъ ближайшимъ путемъ, не разбирая дороги. Онѣ подоспѣли на выручку какъ разъ во время. Уже значительно послѣ подошли ихъ хозяева, догадавшіеся отстегнуть цѣпи своихъ собакъ, услыша звукъ рога, звавшаго на помощь.

Подобныя сцены входятъ теперь въ программу обученія, ади практики. Роль мошенниковъ исполняютъ тѣ же поли-ейскіе, переодѣвающіеся въ лохмотья. Это доказываетъ, что, не мотря на дружбу всѣхъ полицейскихъ со всѣми собаками, ти четвероногіе служители послушно нападаютъ на знакомаго и на друга, если это имъ прикажетъ хозяинъ.

Однако, надо сдѣлать оговорку: когда намъ пришлось ви-дѣть подобное представленіе, то собака, нападавшая на пере-одѣтаго полицейскаго, хотя и лаяла, какъ должно, и усердно тащила его, но, въ то же время, повиливала хвостомъ, какъ будто, давая ему знать, что она передъ нимъ извиняется и только тащитъ его, по долгу службы.

Когда полицейскій обходитъ дозоромъ мимо новыхъ необи-таемыхъ построекъ, то по слову «ищи» собака бросается въ домъ и не возвращается оттуда, пока не обнюхаетъ каждый уголъ, отъ погреба до чердака.

Эти собаки пріучены прыгать черезъ стѣны, взбираться на опасныя возвышенности и переплывать рѣки; онѣ даже искусно карабкаются по лѣстницамъ, когда нужно осмотрѣть лѣса у строющихся построекъ и т. п. Онѣ смѣло бросаются внизъ, съ большихъ высотъ, и, вообще, храбры до само-забвенія.

Когда собака на свободѣ, она, вообще, не пытается убѣгать отъ хозяина и равнодушно относится къ привѣтамъ и заигры-ваньямъ пробѣгающихъ мимо свободныхъ собакъ.

Можно подумать, что, поступивъ на службу, въ одинаковую должность съ человѣкомъ, эти собаки какъ будто отказались сознательно отъ своихъ привычныхъ пріемовъ и даже отъ при-родныхъ инстинктовъ.

Особенно полезный талантъ этихъ собакъ состоитъ въ томъ, что онѣ умѣютъ выручать хозяина изъ бѣды.

Если происходитъ какое нибудь несчастіе съ нимъ или, если мошенники осиливаютъ его, собака моментально бѣжитъ за помощью, является въ полицію, въ дежурную комнату, съ громкимъ лаемъ, и не успокаивается, пока не потащитъ кого

нибудь на помощь. Замѣчательно то, что, въ подобныхъ случаяхъ, всѣ прочія собаки страшно волнуются и съ воемъ просятся, чтобъ ихъ выпустили тоже.

Несомнѣнно, что, по особенному лаю прибѣжавшаго товарища, онѣ узнаютъ, въ чемъ дѣло.

Если бы люди болѣе наблюдали животныхъ, то должны были бы сознаться, что мы ошибочно называемъ ихъ нѣмыми.

Собака никогда не ошибется насчетъ мѣста, гдѣ она оставила хозяина.

Какъ то разъ злоумышленники связали полицейскаго, заткнули ему ротъ, а, когда собака побѣжала за помощью, они воспользовались ея отсутствіемъ и оттащили несчастнаго блюстителя порядка далеко въ сторону, снесли его въ оврагъ и спрятали въ кусты, гдѣ онъ долженъ былъ мучительно погибнуть; но его спасла вѣрная собака.

Предугадывая ея возвращеніе, злые негодяи постарались сбить ее съ толку. Они взрыли землю и засыпали листьями то мѣсто, по которому тащили жертву.

Непостижимая тонкость чутья собаки спасла жизнь ея хозяину. Взрывая листья и землю, отчаянно лая, доброе животное долго кружилось напрасно. Наконецъ ея усилія увѣнчались успѣхомъ. Полицейскаго нашли, освободили отъ путъ и бережно отнесли въ лазаретъ. Этотъ случай создалъ неразрывную дружбу между человѣкомъ и собакой, несмотря на ея непривлекательное, къ сожалѣнію, имя: добрая собака называется «Сатана» (Satan).

Можно показать наглядно всю благодѣтельность учрежденія собачьей полиціи, существующей въ Бельгіи только четыре года.

Въ каждой странѣ мошенники имѣютъ свои пріемы, хотя вездѣ они предпочитаютъ грабить квартиры, во время отъѣзда владѣльцевъ. Разница противъ другихъ странъ состоитъ въ томъ, что бельгійскіе мошенники не только крадутъ все движимое имущество, но особенно извѣстны тѣмъ, что отвинчиваютъ задвижки, ручки, петли, замки и т. под.

Иные даже не оставляютъ свинцовыхъ трубъ, а крадутъ и ихъ

Проглядывая полицейскіе отчеты, за послѣднее десятилѣтіе, мы убѣдились, какую огромную пользу приносятъ полицейскія собаки: въ тѣхъ участкахъ города, гдѣ совершалось, круглымъ числомъ, двѣнадцать—пятнадцать кражъ, онѣ сократились до трехъ или четырехъ. Ночныя нападенія на одинокихъ прохожихъ въ пустынныхъ улицахъ прекратились почти совершенно.

Недавно была сдѣлана кража со взломомъ въ Бругманской аллеѣ, одной изъ главныхъ артерій города. Полиція была убѣждена, что воръ уйти не могъ, но его было невозможно отыскать.

Дежурная собака была изъ неопытныхъ, очень молодая; она горячилась и суетилась безуспѣшно. Полицейскій зналъ, что вблизи должна въ это время проходить дозоромъ одна изъ лучшихъ и хладнокровныхъ собакъ. На всякій случай онъ затрубилъ въ рогъ и, въ отвѣтъ ему, подобно молніи, явился четвероногій сторожъ «въ трудахъ, заботахъ посѣдѣлый», не разъ изувѣченный злоумышленниками.

Понюхавъ воздухъ, собака забѣгала по всѣмъ направленіямъ; но, къ удивленію полицейскаго, сейчасъ же перестала искать и стремительно побѣжала въ дальній маленькій огородъ за домомъ, куда полицейскій не догадался заглянуть самъ или послать свою собаку.

Тамъ, притаившись за маленькимъ кустомъ, сидѣлъ воръ. Когда онъ былъ посаженъ въ тюрьму, то писалъ своему товарищу: не будь этого чорта, собаки, я бы никогда не попался!

Другой случай, къ сожалѣнію, не былъ удаченъ.

Собака преслѣдовала воровъ на крышѣ. Ихъ было нѣсколько; убѣгая по опасной наклонности крыши, они уже не думали бить собаку, а она преслѣдовала ихъ, не отступая. Гдѣ пробирались они, тамъ проскакивала и она.

Огромная толпа собралась внизу, слѣдя за невиданной охотой и поощряя вѣрное животное восторженными криками.

Мошенники, достигнувъ одного нежилого дома, влѣзли въ слуховое окно и успѣли его захлопнуть передъ самымъ носомъ «охотника», который прибѣжалъ, съ высунутымъ языкомъ, секундой позже.

Громко завылъ усталый преслѣдователь, цѣплявшійся по крышѣ, ежеминутно рискуя соскользнуть съ нея и сломать себѣ шею. Опустивъ голову и поджавъ хвостъ, какъ виноватая, поплелась собака къ своему хозяину. Толпа, наперерывъ, ласкала и гладила ее; но собака всетаки не могла утѣшиться.

Вначалѣ собакъ кормили супомъ изъ свѣжей говядины, съ разваренною зеленью или овощами. Рекомендуемые повсюду сухари Спратса слишкомъ сухи, а размачивать ихъ можно только въ кипяткѣ и скармливать ихъ необходимо тотчасъ же, а это неудобно. Въ холодной же водѣ эти сухари киснутъ и производятъ колики.

Теперь комиссаръ Гилль кормитъ своихъ собакъ бельгійскими сухарями особеннаго сорта, по его мнѣнію, очень питательными, потому что они содержатъ въ себѣ достаточное количество мучной пищи и фосфатовъ.

Въ Англіи поговариваютъ о желательности учрежденія собачьей полиціи, но не рѣшаются на это вслѣдствіе того, что англичанамъ противна охота звѣря за человѣкомъ; это напоминало бы имъ охоту съ собаками на негровъ, въ Америкѣ. Англичане думаютъ, что англійская толпа отнеслась бы сочувственно къ преслѣдуемому человѣку и набросилась бы на собаку-преслѣдовательницу.

А, между тѣмъ, мошенниковъ такъ много въ Англіи, что полицейскіе очень часто не справляются съ ними; а, такъ какъ въ Англіи, при хорошемъ уходѣ за собаками, случаевъ бѣшенства не бываетъ, то съ этой стороны препятствій быть не можетъ. Въ Бельгіи, при каждой собачьей полицейской бригадѣ, есть свой ветеринаръ, который ежедневно навѣщаетъ своихъ паціентовъ, скорѣе какъ пріятель, нежели какъ докторъ. Собаки всѣ здоровы и лечить приходится развѣ только почетныя увѣчья, полученныя «на поляхъ сраженій».

Чрезвычайно интересны фотографіи этихъ собакъ съ ихъ учителями и хозяевами.

Понто.

Понто, по счету, третья собака у насъ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ городѣ. И, вотъ, онъ долженъ насъ оставить. Это ужъ именно мое счастье: какъ только я что нибудь полюблю—такъ это отъ меня и отнимается! То же самое было съ Пуффомъ, который околѣлъ отъ того, что объѣлся сапогами; а я его очень любилъ.

Случилось это такъ: Пуффъ страстно любилъ кожу, а мы всячески старались прятать отъ него сапоги и туфли. Какъ то разъ, въ наше отсутствіе, онъ нашелъ ящикъ съ сапогами и сломалъ его. Когда мы вернулись, то увидали, что онъ пировалъ поцарски. Пара моихъ лучшихъ сапогъ совсѣмъ исчезла; хорошенькихъ туфель тети Каролины нигдѣ не могли найти; а съ одной стороны мордочки Пуффа висѣлъ изъ его рта одинъ каблукъ папашиныхъ лакированныхъ сапогъ.

Должно быть, лакированная кожа попортила ему желудокъ. Онъ съ тѣхъ поръ сталъ страдать коликами. Пуффъ былъ очень честная собака, онъ вообще ничего, безъ спросу, не бралъ.

Нашъ ветеринаръ говоритъ, что самая нервная женщина не имѣетъ такихъ чувствительныхъ нервъ, какъ собака. Послѣ нея—лошадь очень впечатлительна; затѣмъ, свинья не можетъ справиться со своими нервами на столько, что не рѣдко съѣдаетъ своихъ дѣтей, изъ опасенія, что ихъ могутъ взять отъ нея. По моему, это показываетъ, что свинья еще слабѣе разумомъ, чѣмъ нервами. Конечно, я съ ветеринаромъ не спорилъ.

Пуффъ былъ очень хорошая собака. Мнѣ онъ былъ вѣрнымъ другомъ, а тетѣ Каролинѣ заклятымъ врагомъ. Бѣдная собачка, вѣрно, знала, что ей придется недолго жить, потому что Пуффъ носилъ трауръ, съ самаго своего рожденія: онъ былъ весь черный, начиная съ умной мордочки до конца его бойкаго хвостика.

Папа очень любилъ его и, чтобы сохранить о немъ память, велѣлъ выдѣлать изъ его кожи коврикъ къ дверямъ; тѣло же бѣднаго Пуффа было положено въ ящикъ и отдано намъ. Мы тутъ опять заплакали, и я даже поцѣловалъ ящикъ, потому что Пуффъ мнѣ былъ ближе, чѣмъ другимъ. Мы похоронили Пуффа въ саду, рядомъ съ котомъ Іонафаномъ, который, мѣсяцъ тому назадъ, объѣлся отравленнымъ мясомъ и околѣлъ. Я надѣюсь, что бѣдный Пуффъ не сердится, что мы его похоронили рядомъ съ его непріятелемъ; онъ, вѣдь, дрался съ кошками не отъ злости, а, по своей собачьей природѣ и потому еще, что на землѣ не наступило то время, когда всѣ будутъ дружны, и люди, и хищные звѣри, и когда левъ будетъ лежать рядомъ съ ягненкомъ. Надо признаться, что я очень жалѣю, что не доживу до того времени. Тогда всѣ будутъ любить звѣрей. Навѣрное, еслибъ тетя Каролина жила въ то время, она любила бы Пуффа, хотя мнѣ это очень трудно себѣ представить. Только я надѣюсь, что Пуффъ не страдалъ отъ ея ненависти: онъ не обращалъ на нее вниманія и совершенно пренебрегалъ ея бранью; это выводило ее изъ себя.

У насъ, понемногу, образуется маленькое кладбище въ саду тамъ, гдѣ растутъ штокрозы. Кромѣ Іонафана и Пуффа, тамъ похоронена Дина и ея пять котятъ; еще похоронена канарейка тети Каролины, которая обвязала свою птичку очень красиво розовыми и голубыми ленточками и положила ее въ конфектную коробку съ красивой картинкой. Тамъ же погребены еще двѣ бѣлыя мышки—Твидельдумъ и Твидельди. Мнѣ подарилъ ихъ товарищъ, которому я помогалъ въ школѣ. У насъ еще была черепаха, прожившая съ нами пять лѣтъ, не подавая признака жизни. Поэтому мы ее и схоронили. Мы часто хо-

димъ на это маленькое кладбище, потому что папа говоритъ, что надо помнить умершихъ друзей.

И такъ странно, что мнѣ тамъ приходитъ все одна и таже мысль о томъ, какой кавардакъ произошелъ бы, если бы всѣ наши любимцы заразъ воскресли. Я думаю, что кошка Дина сейчасъ же прикончила бы мышекъ и канарейку, котъ Іонафанъ схватилъ бы черепаху, а храбрый Пуффъ пожралъ бы сперва пять котятъ, а потомъ схватился бы съ Іонафаномъ и Диной, потому что онъ всегда былъ жадный и всегда чувствовалъ голодъ, несмотря на то, что его кормили четыре раза въ день; вѣдь тутъ онъ столько времени пролежалъ въ землѣ, ничего не ѣвши! Впрочемъ, все это такъ ужасно себѣ представить, что я думаю, Марѳа права, убѣждая меня не говорить о подобныхъ вещахъ. По ея словамъ, такія мысли совсѣмъ языческія. А, всетаки, меня часто пробираетъ дрожь, когда я смотрю на кладбище нашихъ любимцевъ.

Послѣ Пуффа у насъ былъ Ворчунъ. Я никогда не могъ особенно полюбить Ворчуна; онъ досадилъ мнѣ въ первый день своего появленія: я спряталъ за книгами сласти, купленныя мною на два пенни, а Ворчунъ разрылъ книги и сласти съѣлъ. Мы разстались съ нимъ, потому что онъ повадился кусать людей.

Сперва онъ напалъ на Фландерса, только что нанятаго папой, потомъ укусилъ мальчишку отъ мясника; но всего больше пострадала Сусанна—наша горничная. Ворчунъ забралъ себѣ въ голову, будто Сусанна крадетъ и съѣдаетъ кости, которыя онъ прячетъ, про запасъ, въ своей конурѣ. И, вотъ, однажды онъ вздумалъ у Сусанны вырвать кость изъ ея собственной ноги, такъ, по крайней мѣрѣ, кричала Сусанна, когда Ворчунъ вцѣпился ей въ ногу. Она подняла страшный шумъ, на который прибѣжала тетя Каролина, и даже папа выглянулъ изъ кабинета, осторожно пріотворивъ дверь. Тетя Каролина говоритъ, что папа совсѣмъ нехрабрый. Я думаю, что, такъ какъ онъ не военный, то это ничего. Я пробовалъ спросить объ этомъ Марту, но она строго сказала мнѣ, что дѣти не

должны судить родителей, а уважать ихъ, какіе они есть. Даже Сусанна вступилась и прибавила отъ себя, что Господь не спрашиваетъ дѣтей, какихъ имъ дать родителей... Марта не любитъ, чтобъ Сусанна вмѣшивалась, и прибавила наставительно, что мой папа прекрасный человѣкъ, иначе она не стала бы жить у насъ. Она живетъ только въ очень хорошихъ домахъ.

Марта еще строже посмотрѣла на Сусанну и прибавила, что иныя женщины любятъ жить въ богатыхъ домахъ, а что она ищетъ только мѣста въ доброй и набожной семьѣ. Сусанна смѣшно сморщила носъ и вышла. Хотя Ворчунъ только прокусилъ Сусаннѣ платье и чулокъ, но она объявила, что не можетъ жить въ домѣ, гдѣ ея жизнь подвергается опасности: «мнѣ надо кормить своимъ трудомъ мать и сестру», прибавила она, «и я не могу согласиться быть съѣденной бѣшеной собакой».

Тетя Каролина, бывшая при этомъ, не дала папѣ отвѣтить и поспѣшила успокоить Сусанну, что Ворчуна скоро не будетъ, слѣдовательно, она можетъ остаться. Сусанна была очень рада и сказала, что она можетъ заштопать свое платье и не хочетъ, чтобъ ей дали какой нибудь подарокъ за ея убытки. Папа какъ будто сконфузился и потянулся рукой на столъ за кошелькомъ, но тетя Каролина облокотилась ему на плечо и удержала его руку. Когда Сусанна вышла изъ комнаты, папа сказалъ, что нынче очень трудно найти хорошую служанку и что онъ радъ, если Сусанна остается. Онъ началъ, было, говорить, что Ворчунъ очень сильно порвалъ ей платье, но тетя Каролина перебила его, заведя длинную рѣчь о какихъ то бѣдныхъ родственникахъ, которымъ она давно собирается сдѣлать подарокъ, и что все это случилось очень кстати, потому что ей теперь нечего ломать голову и придумывать, что купить: она пошлетъ имъ Ворчуна. Папа немного поморщился. Это было какъ разъ передъ Рождествомъ. И когда пришелъ праздникъ, Ворчуна наканунѣ отослали въ подарокъ.

А вотъ теперь мой бѣдный Понто долженъ уйти! Папа ужъ

бъявилъ ему это. А мнѣ такъ не хочется вѣрить въ эту раз-
уку. Давно ли, кажется, Понто появился у насъ! Я вымѣнялъ
го у товарища Гаукинса, отдавъ ему нѣсколько книгъ; осо-
бенно хорошъ былъ переплетъ у книжки: «Отечество дороже
всего», да и другіе не были плохи. Гаукинсу Понто былъ
подаренъ.

Маленькая сестренка моего товарища поступила въ школу
и отдала щеночка брату. Понто былъ маленькій мягкій клу-
бочекъ, всего восьми недѣль. Я принесъ его домой въ платкѣ
и очень усердно ухаживалъ за нимъ. Марта и Сусанна помо-
гали мнѣ, грѣли молоко для щенка и пріучали его къ чистотѣ.
Онѣ не сердились, что онъ долго дурно велъ себя.

Онъ ихъ тоже очень любитъ, хотя, повидимому, не умѣлъ
показать этого. Понто росъ очень быстро. Самъ я немного
понимаю въ собакахъ, но всѣ говорятъ, что Понто очень рѣд-
кой породы, такой рѣдкой, что другой, подобной ему собаки,
нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. У меня есть другъ, по имени Коджонъ.
Онъ очень много понимаетъ въ собакахъ. Однажды онъ взялъ
Понто къ себѣ, чтобы опредѣлить его качества и свойства.
Коджонъ нашелъ, что Понто принадлежитъ къ четыремъ по-
родамъ: у него хвостъ, какъ у мопса, ноги, какъ у таксы,
шерсть и уши, какъ у сеттера, а, по сложенію тѣла, онъ при-
надлежитъ къ лягавымъ. Вмѣстѣ съ этимъ Коджонъ нашелъ,
что Понто походитъ и на водолаза. Раньше мы не знали,
что отвѣчать нашимъ знакомымъ, которые спрашивали о по-
родѣ Понто; теперь мы рѣшили говорить, что онъ изъ мел-
кихъ водолазовъ; вѣдь, очень трудно назвать съ увѣренностью
породу собаки, которая сразу принадлежитъ къ нѣсколькимъ.

Однажды Коджонъ признался мнѣ по секрету, что онъ не
увѣренъ, правильно ли онъ опредѣлилъ породу, и что онъ
сомнѣвается даже, изъ собачьихъ ли породъ происходитъ Понто?

«Мнѣ иногда думается», сказалъ онъ, «что Понто вовсе
не собака, а какой то невѣдомый звѣрь». Конечно, я очень
испугался, услышавъ это, и ни слова не сказалъ отцу изъ
опасенія, что этого «невѣдомаго звѣря» онъ застрѣлитъ. Я не

находилъ это обманомъ, хотя часто, глядя на Понто, я сож
лѣлъ, что онъ не принадлежитъ болѣе опредѣленно къ как
нибудь извѣстной собачьей породѣ. Вѣдь, такъ онъ вводил
всѣхъ въ заблужденіе, заставляя считать себя собакой, кога
онъ не былъ ею. Въ другое время мнѣ было очень жал
Понто, развѣ онъ виноватъ, что родился на свѣтъ,

„Ни мышенкомъ, ни лягушкой,
„А невѣдомой звѣрюшкой".

Ясно, что онъ не водолазъ, потому что всегда ненавидѣл
воду, особенно, когда его мыли. Онъ такъ кричалъ или жа
лобно выл, что со стороны можно было подумать, что ем
подвергаютъ пыткѣ. При этомъ его умные глаза смотрѣли так
жалобно, съ такимъ испуганно-отчаяннымъ выраженіемъ, что
дѣйствительно, приходилось его жалѣть и производить мыт
наскоро. Но лишь только его вынимали изъ ванны, какъ он
начиналъ скалить зубы, огрызаться и даже пытался кусат
Приходилось накидывать ему на голову простыню и спѣшн
кое-какъ, вытирать его; но онъ, вѣроятно, боялся щекотк
потому что подъ простыней бросался во всѣ стороны, пытая
схватить кого-нибудь за руку. Это было очень смѣшное пре
ставленіе.

Собаки, изъ породы водолазовъ, чрезвычайно храбр
Отецъ разсказывалъ мнѣ, что однажды на океанскомъ пар
ходѣ чей то ребенокъ перевѣсился черезъ бортъ и упалъ
воду, а совершенно чужой водолазъ мгновенно ринулся
нимъ и спасъ ребенка. Нашъ же Понто былъ страшный трус
гуляя со мной въ Реджентъ-Паркѣ, Понто увидалъ на бере
пруда домашняго гуся. Онъ такъ испугался, что поджал
хвостъ и бросился удирать, во всѣ лопатки.

Много разъ хотѣлось мнѣ исправить хвостъ Понто: я д
ставалъ крѣпкаго клею и пытался приклеить хвостъ
одной изъ его заднихъ ногъ. Однако, всѣ мои старанія проп
дали безуспѣшно: такъ или иначе, хвостъ опять торжествую
поднимался кверху.

Можетъ быть изъ-за того, что Понто принадлежалъ къ четыремъ собачьимъ породамъ, онъ и принялъ бѣды четверыхъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ его поступленія къ намъ, онъ напугалъ всю семью самымъ ужаснымъ образомъ. У насъ было обыкновеніе привязывать Понто на ночь въ корридорѣ, около кухни. Ему была сдѣлана хорошенькая конурка, на верху которой было кольцо; къ этому кольцу прикрѣплялась цѣпь Понто. Всѣ по обыкновенію, отправились спать въ верхній этажъ. Но, едва мы погрузились въ первый сладкій сонъ, какъ внизу раздался ужасающій трезвонъ. Тетя Каролина, которая, отъ чрезмѣрной заботливости, спитъ только вполглаза, первая услыхала возню и шумъ. Она вообразила, что это разбойники, и тотчасъ же подняла на ноги всѣхъ насъ. Сейчасъ же образовалось цѣлое шествіе. Папа вооружился кастетомъ, за нимъ шла тетя, двѣ служанки и потомъ я (Марта не могла придти, потому что съ ней отъ испуга сдѣлалась истерика). Тетя Каролина несла большіе щипцы, а я зарядилъ горохомъ мое ружье. Обѣ служанки шли безоружныя. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались, страхъ все больше и больше разбиралъ насъ. Папа трепещущимъ голосомъ тихонько звалъ Понто, говоря, что обязанность домашней собаки охранять насъ отъ разбойниковъ. Такъ какъ Понто не являлся, а подвигаться впередъ было необходимо, то папа отважился произнести громче: «Понто, Понто!» Слова его были прерваны такимъ взрывомъ шума, звона и треска, что нервы папы не выдержали. Онъ сказалъ, что лучше намъ всѣмъ вернуться и лечь въ постели. Тетя Каролина назвала папу трусомъ, а онъ по французски сказалъ ей: «pas devant les domestiques» (при слугахъ этого не говорятъ). Затѣмъ вдругъ все стихло, ничего не было слышно, кромѣ ударовъ сердца толстой кухарки, бившагося, подобно паровому молоту. А тутъ возня опять возобновилась съ небывалымъ еще громомъ. У папаши подкосились колѣна, онъ чуть не выронилъ свѣчку, но тетя Каролина оттолкнула его и сама пошла впередъ. Когда мы дошли до кухонной лѣстницы, тетя громко и храбро закричала: «ей вы! кто тамъ

есть? вы открыты! мы идемъ съ оружіемъ. Убирайтесь, пока цѣлы, иначе мы крикнемъ полицію»!

Подождавъ секунду, она безстрашно пошла впередъ и вскрикнула: «ахъ! ахъ! ахъ! ну! въ жизни моей... ктобы могъ подумать!» и, при этихъ восклицаніяхъ, она выронила свѣчку изъ рукъ. Страшную минуту мы пережили тогда. Кругомъ насъ такая тьма, что зги не видно, а въ этой темнотѣ неизвѣстная опасность еще страшнѣе! Однако, хотя ноги у меня подкашивались, я крѣпко закрылъ глаза и приготовился ко всему худшему. Горничная Сусанна пробормотала: «Господи, сохрани насъ и помилуй!» а кухарка шепнула ей: «Сусанна, мнѣ совсѣмъ тошно». Папа пробормоталъ, что пойдетъ за спичками и быстро убѣжалъ наверхъ. Когда я послѣ вспомнилъ это, то удивился, какъ онъ можетъ скоро бѣгать. Однако, когда спички нашлись у кухарки въ карманѣ, то что же увидѣли мы? Какъ вы думаете? А вотъ что: безобразникъ Понто гонялъ по корридору чужую кошку, таская за собой свою конуру, къ которой былъ прикрѣпленъ длинной цѣпью! Камъ мы всѣ расхохотались, всѣ, кромѣ тети, когда увидали причину нашего перепуга. Наша кухарка очень толстая: у ней лопнули отъ страха три пуговицы, и преуморительно прыгнули вверхъ передъ ея носомъ. Сусанна такъ покатывалась, гремя, какъ барабанъ, что тетя Каролина просила ее не забываться. Хотя въ этой исторіи тетя оказалась храбрѣе всѣхъ, однако, она была раздосадована; когда Понто мчался бѣшено мимо насъ, волоча за собой свою колесницу, тетя Каролина швырнула въ него щипцами. Если она не размозжила ему головы, то только потому, что женщины не умѣютъ взять вѣрно прицѣла.

Вспоминая это и многое другое, я долженъ сознаться, что Понто, дѣйствительно, дурная собака. Однажды я былъ вынужденъ, скрѣпя сердце, самъ отшлепать его. У Понто очень нехорошая манера, когда онъ бываетъ сытъ, припрятывать кости въ самое неподходящее мѣсто. Тетя какъ-то разъ хотѣла отнять отъ него эти кости, но я воспротивился и, къ счастью, папа на этотъ разъ расхрабрился и поддержалъ меня. Онъ

слышалъ отъ ветеринара, что собака обязательно должна получать кости, иначе у ней ослабнутъ зубы и будутъ болѣть; а, вѣдь, даже разумному человѣку очень трудно переносить зубную боль. Я былъ очень благодаренъ папѣ, что его доброта пересилила его трусость и страхъ передъ тетей. Такимъ образомъ, Понто продолжалъ устраивать себѣ кладовыя, гдѣ хотѣлъ, и могъ, проголодавшись, съѣдать свои запасы, надосугѣ. Напримѣръ, мнѣ никогда не забыть, какъ разсердилась тетя Каролина, заставъ глупаго Понто въ тотъ моментъ, когда онъ старался зарыть кости въ толстомъ турецкомъ коврѣ. Она схватила, было, его за хвостъ, но Понто огрызнулся, вырвался и убѣжалъ, а тетя стала требовать, чтобы его непремѣнно отослали куда-нибудь. Какъ онъ тогда уцѣлѣлъ у насъ, я теперь не помню. Большею частью, Пунто зарывалъ кости въ саду. Разъ, послѣ обѣда, сидя у окна библіотеки, я заглянулъ въ садъ и увидалъ нѣчто ужасающее. У Понто была очень худая память. Онъ очень часто забывалъ то мѣсто, гдѣ устроилъ кладовую, поэтому, разыскивая ее, онъ рылъ, гдѣ попало. Прежде всего онъ вырылъ съ корнемъ три мои большіе подсолнечника; потомъ вырылъ большую яму посреди дорожки; тетя шла безъ очковъ, споткнулась да такъ сильно, что упала и слегка оцарапала себѣ кончикъ носа. Бѣдному папашѣ пришлось выслушать много непріятнаго по поводу того, что онъ меня слишкомъ балуетъ, позволяя держать въ домѣ вредную собаку. Папа пытался говорить о безотвѣтности животныхъ, но это не помогло, и, въ этотъ день, обѣдъ прошелъ очень скучно. Между тѣмъ, Понто продолжалъ искать свои кости. Онъ долго обнюхивалъ кусты смородины, рылъ въ разныхъ мѣстахъ и сталъ сердиться. Съ ворчаньемъ пришелъ онъ къ грядѣ гераній, гдѣ похоронены наши любимцы. Въ эту-то минуту, я и выглянулъ изъ окна, и у меня замерло сердце. Понто, сердясь и ворча, рылъ съ такимъ усердіемъ, что земля комками летѣла вверхъ. Я съ ужасомъ понялъ, что должно было случиться. Въ нѣсколько минутъ, онъ вырылъ ящичекъ съ трупикомъ бѣднаго стараго Пуффа. Къ счастью Понто не имѣетъ

свойствъ людоѣда: останки Пуффа были пощажены; но когда онъ добрался до черепахи, мышекъ и канарейки, то онъ не поцеремонился. Тутъ я не выдержалъ и, стремглавъ, бросился внизъ, чтобъ остановить Понто въ его низкомъ дѣлѣ; но пока я бѣжалъ, Твидельди и Твидельдумъ и канарейка совершенно уже исчезли. Первый разъ, въ моей жизни, я надавалъ Понто горячихъ шлепковъ. Канарейку я бы еще ему простилъ, но, вспоминая своихъ маленькихъ бѣлыхъ мышекъ, я готовъ былъ плакать. Поэтому Понто получилъ нѣсколько горячихъ шлепковъ: кромѣ того, я выгналъ его изъ сада и отослалъ спать. Но вскорѣ мышки отомстили за себя. Бѣдному Понто стало тошно, и онъ очень мучился. Въ виду этого, я простилъ его. Дней черезъ пять, Понто натворилъ снова намъ большую непріятность. Тетя пошла за покупками въ большіе магазины. Эти дни она была довольна мной и, въ награду за это, взяла меня съ собой, чтобы я несъ ея покупки. Мы взяли и Понто, т. е. мы не хотѣли его взять, но онъ самъ пошелъ за нами, и мы никакъ не могли прогнать его. Нечего дѣлать, пришлось покориться, хотя Понто не чувствовалъ никакой благодарности и сильно досаждалъ намъ. По дорогѣ онъ нѣсколько разъ дрался съ собаками. Нашъ знакомый ветеринаръ объяснялъ намъ, что храбрыя собаки не задираютъ другихъ, полагаясь на свою силу; а собаки трусишки вѣчно опасаются, что на нихъ нападутъ, и, вотъ, изъ-за этого онѣ первыя ворчатъ на встрѣчныхъ собакъ. Понто вошелъ съ нами въ большой магазинъ, хотя тамъ вездѣ были вывѣшены объявленія, что вводить собакъ не позволяется.

Мы пробовали прогнать его домой, но онъ не слушался. Пробовали уговаривать его остаться на улицѣ, у дверей магазина. Въ это время, пришла какая-то дама съ дѣвочкой и тоже съ собачкой. Эта собачка послушалась свою госпожу, и покорно осталась одна, отойдя немного въ сторону и не сводя глазъ съ дверей магазина. Намъ было очень стыдно, что нашъ Понто такой непослушный. Тетя грозила ему пальцемъ, и даже я не заступился, когда она слегка дернула Понто за ухо.

Стоявшій вблизи извощикъ усмѣхнулся и сказалъ, что, вѣроятно, тетя не состоитъ членомъ Общества милосердія къ животнымъ. Тетя хотѣла было кликнуть полицейскаго, чтобы пожаловаться, но подошелъ посыльный и отвлекъ ея вниманіе, предложивъ постеречь Понто, чтобы онъ не входилъ въ магазинъ. Тетя дала ему монету и обѣщала дать еще, при выходѣ. Когда тетя стала покупать, что ей нужно, она почувствовала, что кто-то трогаетъ ее за колѣно. Это оказался Понто, радостно вилявшій хвостикомъ. Мы опять принялись прогонять его. А онъ только умильно глядѣлъ въ глаза и помахивалъ хвостикомъ еще усерднѣе. Тогда нѣсколько прикащиковъ стали выгонять его; однако, занимавшійся съ нами молодой человѣкъ, очень элегантный и любезный, сказалъ товарищамъ, что онъ справится съ собачкой одинъ. Онъ вынулъ платокъ, сдѣлалъ изъ него жгутъ и замахнулся на Понто; тотъ вообразилъ, что ему предлагаютъ играть; онъ радостно тявкнулъ, покружился на мѣстѣ и бросился бѣжать; онъ обѣжалъ пять разныхъ отдѣленій, преслѣдуемый запыхавшимся прикащикомъ, которому, однако, удалось стегнуть его жгутомъ. Тогда Понто обернулся, сталъ огрызаться, дернулъ прикащика за панталоны и побѣжалъ дальше. Когда тетя увидала, что онъ направился въ отдѣленіе съ посудой, то она сказала, что намъ лучше всего уйти и, если Понто отыщетъ насъ, то сдѣлать видъ, что онъ намъ не принадлежитъ. Тетя Каролина находила, что это будетъ благоразумнѣе всего. По счастью, мы не встрѣтили Понто, закупили, что нужно, и пошли въ буфетъ напиться чаю.

При входѣ туда, мы не замѣтили, что нашъ песикъ былъ тамъ раньше насъ, и, когда только намъ подали чай, я съ ужасомъ увидалъ и показалъ тетѣ, что Понто возится съ огромнымъ сладкимъ пирогомъ. Намъ приходилось дѣлать видъ, что мы его не видимъ. Но несносная собака, должно быть, почуяла насъ, потому что, когда тетя наклонилась, чтобы поправить платье, Понто внезапно подскочилъ къ ней и далъ ей такой поцѣлуй въ щеку, что перепачкалъ ее вареньемъ. Разумѣется, теперь мы должны были признать его, а, слѣдовательно, за-

платить и за пирогъ, такъ какъ буфетчикъ увѣрялъ, что п
рогъ испорченъ и что его уже никому подать нельзя. Такіе лю
всегда рады воспользоваться всякимъ случаемъ, лишь бы н
бить себѣ карманъ; тетя находила, что изъ пирога можно в
кроить маленькіе пирожки, но буфетчикъ и слушать не х
тѣлъ; онъ утверждалъ, что даже любительницы собакъ не ста
бы ѣсть того, что Понто таскалъ по полу. Пришлось заплати
одиннадцать пенсовъ и три фартинга.

На возвратномъ пути я сунулъ въ морду Понто сверто
съ покупками: я пріучилъ его носить поноску. Въ сверткѣ бы
вышивки, только что купленныя тетей. Все шло благополучн
но, къ сожалѣнію, Понто встрѣтилъ двухъ своихъ друзей
Джека, принадлежащаго м-ру Уорслемъ, и Боба, принадлеж
щаго Джонсонамъ. Всѣ трое весело бросились въ сосѣдн
улицу, причемъ друзья пытались отнять у Понто тетинъ св
токъ. Мнѣ пришлось бѣжать за ними, но, къ ужасу моем
когда я догналъ веселыхъ друзей, то увидалъ, что они уже
няты дѣлежемъ добычи и уже изорвали и ижжевали тонк
дорогую вышивку.

У Боба и Джека оставалась, по крайней мѣрѣ, совѣсть, п
тому что, завидѣвъ меня, они бросились, вразсыпную, и скр
лись изъ вида; а нашъ закоснѣлый Понто, видимо, полага
что у нихъ была веселая похвальная игра и сильно виля
хвостомъ, умильно увиваясь передо мною.

По приходѣ домой, тетя надавала Понто сильныхъ шл
ковъ, которые онъ принялъ благодушно, какъ будто счи
ихъ наградой за его хорошее поведеніе: пока тетя нахло
вала его, у него на мордѣ была самая добрая улыбка; о
понурился и принялъ печальный видъ уже тогда, когда т
перестала его бить, сказавъ при этомъ: «Уфъ! даже ру
устала, а этой негодной собакѣ все ни по чемъ, у него н
совѣсти».

Позднѣе, въ этотъ же день, Понто пошелъ гулять, самъ
себѣ, одинъ, и вернулся не раньше десяти часовъ вечера. С
весело влетѣлъ въ гостинную, таща въ зубахъ лоскутъ

старыхъ бархатныхъ панталонъ, какія носятъ рабочіе. Энергично махая хвостомъ и торжествующе смотря на всѣхъ своими прекрасными, черными глазами, онъ закинулъ голову назадъ, тряхнулъ раза два грязнымъ лоскуткомъ и, съ самымъ побѣдоноснымъ, радостнымъ видомъ, положилъ этотъ трофей къ ногамъ тети. Тетя Каролина въ ужасѣ вскрикнула, отдернула свое платье, метнула на Понто уничтожающій взглядъ и схватилась за звонокъ. Она задыхалась отъ негодованія, восклицая: «это ужъ слишкомъ! пора положить этому конецъ!» и т. п.

Когда вошла служанка, тетя брезгливо отдала приказаніе: «принеси щипцы; убери эту мерзость; не смѣй трогать ее руками и сожги сейчасъ же, иначе весь домъ можетъ заразиться отъ этой гадкой собаки».

Это было начало конца.

На слѣдующій день, я пошелъ гулять и взялъ съ собой Понто. Неожиданно послышались крики: «это онъ! это онъ!» и— непосредственно за этимъ—по спинѣ Понто пролетѣла шляпа, а за ней корзинка. Нѣсколько мальчиковъ, изъ овощной лавки, вылетѣли вслѣдъ за корзиной и бросились преслѣдовать Понто, уже успѣвшаго подхватить шляпу и далеко умчавшагося съ нею. Когда мальчики миновали меня, я замѣтилъ, что у старшаго изъ нихъ, сзади, на панталонахъ, было окошечко; не доставало куска бархата, того самаго, который вчера принесъ намъ Понто. Мнѣ пришло тогда въ голову, что этотъ мальчикъ, вѣроятно, вчера воевалъ съ Понто, потому что на его панталонахъ была еще большая свѣжая заплатка, совершенно той величины и формы, какъ былъ вчерашній лоскутокъ. Небольшое окошечко не было починено или по недосугу или по нехваткѣ матеріала. Я сильно испугался, зная, какъ злы бываютъ иногда мальчишки, тѣмъ болѣе, что они не догнали Понто, а вернулись ко мнѣ и принялись меня дразнить. «Ишь ты, франтъ заморскій! сколько тратишь на мыло?! разрядился да и важничаешь, шалопай». Вѣроятно, они замѣтили мой бѣлый воротничекъ и то, что я все-таки довольно часто умываюсь. Они продолжали меня обзывать еще худшими прозви-

щами. Я выдерживалъ все довольно стойко; но одинъ изъ нихъ крикнулъ, что наколотитъ мнѣ башку, а я этого не могъ вытерпѣть. Меня вдругъ взорвало, и я сказалъ: «вы, низкіе подлецы, нападаете на меня на улицѣ, но берегитесь, я околочу васъ, большіе болваны».

Одинъ изъ мальчишекъ, у котораго была дырка на панталонахъ, вдругъ закричалъ: «ну-ка, Биль, сбей съ герцога его скверную шляпу».

«Я не герцогъ»—бѣшено закричалъ я, «и шляпа моя не скверная, дурачье великаны!»

Въ эту минуту съ меня сбили шляпу, и я сильно покраснѣлъ, потому что вокругъ насъ собиралась толпа. Негодяи замѣтили это и принялись меня дразнить: «ну, заплачь, дитя малое! заплачь, душечка! заплачь! заплачь!

Я закричалъ имъ, въ отвѣтъ: «вовсе я не хочу плакать!» и въ ту же минуту разрыдался. Вотъ со мной такъ всегда: приходится сдѣлать то, чего я вовсе не хочу. Бездѣльники расхохотались и загремѣли: «Иди къ своей мамочкѣ! жалуйся ей и спрячься за ея платьемъ.» Давши мнѣ каждый по толчку, мальчишки, наконецъ, оставили меня. Я, со всѣхъ ногъ, бросился домой и въ душѣ моей проклиналъ Понто, навлекшаго на меня эту непріятность.

На слѣдующій день, однако, я былъ очень огорченъ, что проклиналъ его, потому что Понто домой совсѣмъ не вернулся; мнѣ пришло въ голову, что мое проклятіе было услышано и что мой милый, хотя несносный Понто пропалъ на вѣки вѣчные. Ну, разумѣется, тетя Каролина была въ восхищеніи, что такъ легко отъ него отдѣлалась. Она объявила, что, ежели Понто когда-нибудь вернется въ нашъ домъ,—то она тотчасъ же выгонитъ его такъ, что онъ и не опомнится, а меня она сейчасъ же прогнала спать за то, что я сталъ возражать. На другой день, тетка сказала отцу, что я становлюсь дерзкимъ. Папа сдѣлалъ видъ, что очень занятъ газетой и ничего не отвѣтилъ.

Однако, Понто вернулся въ четвергъ, здоровъ и веселъ.

Мы всѣ сидѣли за завтракомъ, когда Сусанна вбѣжала, очень испуганная, и обратилась къ тетѣ: «извините, сударыня, тамъ пришелъ какой-то грубый оборванецъ, который привелъ Понто и требуетъ пять шиллинговъ. Я ему сказала, что васъ дома нѣтъ, но онъ говоритъ, что ему это все равно и что онъ не уйдетъ, пока не получитъ своихъ денегъ; тогда ужъ я сказала, что доложу вамъ, а онъ, сударыня, очень нагрубилъ кухаркѣ».

«Какая ты дура, что впустила его!» сказала тетя Каролина, и выбѣжала изъ комнаты.

Я послѣдовалъ за нею.

Въ кухнѣ стоялъ высокій человѣкъ, съ короткой шеей, повязанной шарфомъ. Волосы его были короткіе, какъ у ребенка, а лицо было совсѣмъ похоже на каторжника. Тетя говорила потомъ, что она убѣждена, что это былъ бѣглый убійца. Онъ держалъ Понто на веревкѣ, но лишь только этотъ милый, добрый песъ завидѣлъ насъ, какъ тотчасъ же вырвался, бросился ласкаться, покрывая насъ поцѣлуями и шерстью. Понто выглядѣлъ непричесаннымъ, и, по всему было видно, что онъ былъ въ дурной компаніи; шерсть его была взъерошена и сильно лѣзла.

«Здравствуйте, барыня», сказалъ человѣкъ. «Вотъ эта собачка вчера ко мнѣ пристала. Я его отсылалъ домой, но онъ, вѣрно, почувствовалъ, что я добрый человѣкъ... онъ все шелъ за мной; такъ я ему понравился. Ну, взялъ я его и кормилъ и обращался съ нимъ, какъ будто онъ изъ моей семьи, барыня. И мнѣ очень жаль разставаться съ нимъ, но я увидалъ у него на ошейникѣ вашъ адресъ, привелъ и возвращаю вашу собачку, барыня. Позвольте мнѣ пять шиллинговъ, я вамъ, барыня, скажу спасибо.

«Какъ?! это неслыханно!» сказала тетя. «Пять шиллинговъ за такую собаченку. Да она не стоитъ и шести пенсовъ».

«Ну, очень жалко», сказалъ человѣкъ, «мнѣ его прокормленье стоило больше, чѣмъ я спрашиваю. Чѣмъ скорѣй вы со мной раздѣлаетесь, тѣмъ для васъ лучше. Раскошеливайтесь-ка поживѣе».

«Ахъ, ты, дерзкій грубіянъ», разсердилась тетя Каролина. «Ничего ты отъ меня не получишь!» рѣшительно сказала она, а затѣмъ стала звать папашу.

Папа долго не слышалъ, что его зовутъ, но былъ, наконецъ, принужденъ придти, когда тетя закричала ему: «Джонъ, неужели ты позволишь, чтобы беззащитную женщину оскорбляли въ ея собственномъ домѣ?» (Тетя папинъ домъ всегда называетъ своимъ «собственнымъ») «Если ты трусишь, Джонъ, то кухарка и Сусанна съ удовольствіемъ помогутъ мнѣ». Отецъ тогда вышелъ съ салфеткой, заткнутой за воротничекъ. Хоть онъ былъ больше, чѣмъ на половину, ниже каторжника, однако, онъ началъ сначала очень храбро: «Пошелъ отсюда вонъ, сейчасъ же», сказалъ онъ, «или я буду вынужденъ силою выгнать тебя».

«О!» сказалъ каторжникъ, «хо! хо! тебѣ, видно, хочется, чтобъ я расквасилъ твою голову въ кисель, господинъ карликъ, такъ я это съ удовольствіемъ!» И, въ одну минуту, онъ сбросилъ съ себя верхнее платье и засучилъ рукава. До сихъ поръ я никогда не замѣчалъ, какъ малъ ростомъ и какъ тщедушенъ мой отецъ. Папа сознавалъ это, потому что онъ спросилъ: «сколько вы говорите, сударь, вамъ нужно?»

«Двѣ пятерки», послышался отвѣтъ.

«О, конечно», сказалъ отецъ, шаря у себя въ карманѣ, сильно покраснѣвъ, «конечно, но... но... сколько это по-вашему?»

«Двѣ пятерки, дурацкая голова, глухъ ты, что ли?»

«Да, да, конечно, любезный мой, но деньгами-то сколько нужно?»

«О, я вижу, на что вы намекаете», сказалъ каторжникъ, что-жъ вы не сказали раньше? Вы, образованный джентльменъ, не понимаете простого языка. Ладно, чортъ побери! Я скажу вамъ, по образованному, что мнѣ нужно десять шиллинговъ и ни-ни—нисколько меньше. Я не выйду изъ дому, не получивши моего. Поняли теперь меня, распрекраснѣйшій господинъ, а?»

Отецъ, обливаясь весь по́томъ, не могъ найти въ кошелькѣ

полсуверена и далъ каторжнику цѣлый суверенъ, прося его дать сдачу.

«Какъ же, непремѣнно, сэръ», отвѣтилъ тотъ. «Съ моимъ удовольствіемъ; буду счастливъ послужить вамъ, сэръ. Добрый день, сэръ. Я принесу вамъ сдачу завтра, сэръ. О, нѣтъ! я не забуду этого, сэръ. Я это для памяти запишу, когда выучусь писать, сэръ».

Съ этими словами оборванецъ повернулся и исчезъ. Вмѣстѣ съ нимъ исчезли два зонтика, ошейникъ Понто и папино пальто. Но это замѣтили уже послѣ.

Судьба Понто рѣшилась за завтракомъ.

Тетка Каролина объявила, что кто-нибудь изъ двухъ долженъ уйти.

«Или Понто или я,—иначе быть не можетъ», сказала она, но, къ моему удивленію и, я думаю, къ папашиному,—она сама тутъ же прибавила, что ежели это такъ, то пусть лучше уйдетъ Понто. На дняхъ появится публикація въ газетахъ о томъ, что владѣтельница дорогого водолаза желаетъ обмѣнять его на индѣйскую шаль.

Что я буду дѣлать безъ Понто, я не знаю. Онъ, каждое утро, выпивалъ до капли мой рыбій жиръ. Ну, какъ же мнѣ теперь быть?!

Памятникъ въ южной Африкѣ.

Въ южной Африкѣ, въ портѣ Елизабетъ, открытъ недавно очень красивый и еще безпримѣрный памятникъ изъ бронзы. Празднество было огромное, и сочувствіе къ идеѣ памятника выразилось восклицаніями восторга и неудержимыми слезами. Самый равнодушный зритель невольно обращаетъ вниманіе на художественность исполненія и на великодушную мысль этого единственнаго въ мірѣ памятника.

Онъ воздвигнутъ на безчисленныя мелкія пожертвованія жителей разныхъ провинцій, разныхъ народностей и разныхъ вѣроисповѣданій.

Это памятникъ лошадямъ, воламъ, муламъ и прочимъ животнымъ погибшимъ, во время англо-бурской войны.

Если жестокая необходимость военнаго времени заставила животныхъ страдать вмѣстѣ съ войскомъ, то отнынѣ, благодаря этому памятнику, многія, подобныя имъ животныя найдутъ тутъ отраду и облегченіе.

Въ южной Африкѣ большинство дней въ году невыносимо жаркіе и душные. Если въ нашихъ городахъ, въ умѣренномъ и даже въ сѣверномъ климатѣ, животныя часто томятся отъ жажды, то въ Африкѣ они страдаютъ жаждой ужаснѣйшимъ образомъ. Еще у всѣхъ памятны страшныя страданія воловъ, перевозившихъ артиллерію и мучившихся жаждой, доводившей ихъ до смерти.

Журналы представляли картины этихъ страданій, вызывавшихъ состраданіе и безконечную жалость даже въ самыхъ

равнодушныхъ людяхъ. Но и тѣ, кто были приставлены къ этимъ животнымъ, не были равнодушными, какъ это казалось, со стороны; если они тогда не могли ничѣмъ облегчить безмолвныхъ мучениковъ, то они не забыли ихъ страданій и тотчасъ же послѣ войны высказали мысль о необходимости оказать благодѣяніе нѣмымъ друзьямъ и слугамъ человѣка.

Явилась прекрасная идея устроить обширную безплатную водопойню, въ которой не только лошади и другія крупныя животныя, но даже собаки и кошки могли бы, во всякое время, безпрепятственно и вволю утолить свою жажду прекрасной свѣжей водой.

Чтобы понять все благодѣяніе этого сооруженія, стоитъ полюбоваться, съ какимъ наслажденіемъ собаки, волы, мулы и лошади, а иногда и птицы утоляютъ жажду изъ громаднѣйшей гранитной колоды, которая принимаетъ воду изъ трехъ, отдѣланныхъ серебромъ, незакрывающихся кранов.

Водопойня эта прекрасна не только своимъ назначеніемъ, но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть произведеніе искусства. Какъ хорошо задумано и прекрасно исполнено это воспоминаніе о друзьяхъ, служившихъ человѣку до самой смерти!

Вылитый изъ бронзы, благородный конь возвышается на огромномъ кускѣ гранита, а передъ нимъ, опустясь на одно колѣно, солдатъ, въ походной формѣ, держитъ ведро, изъ котораго животное собирается пить. Внизу этой скалы устроенъ длинный, широкій пріемникъ для воды, проведенной съ горъ. Блестящія струи ея льются съ пріятнымъ журчаньемъ изъ трехъ отверстій, отдѣланныхъ прочно и красиво массивнымъ серебромъ.

Только путешествовавшіе въ Африкѣ способны вполнѣ оцѣнить, какъ велико благодѣяніе подобнаго общественнаго учрежденія.

Съ удовольствіемъ надо сказать, что суммы для устройства водопойни были собраны поразительно быстро. Думаемъ, что не было ни одного человѣка, не внесшаго своей маленькой лепты. А эти лепты были иногда поразительно малы; но

ихъ несли безъ стыда, несли охотно, отъ всего сердца. Двѣ надписи высѣчены на большой скалѣ и внизу на водопойнѣ. У ногъ лошади и всадника, крупно и отчетливо, вырѣзана слѣдующая истина:

«Величіе народа состоитъ не въ числѣ его населенія, не въ обширности владѣній его, а въ искренности и всеобъемлемости его состраданія».

Внизу, спереди, видна надпись:

«Воздвигнуто добровольной общественной подпиской въ благодарность за службу славныхъ животныхъ, погибшихъ въ англо-бурскую войну 1899—1902 г.»

Много тысячъ великолѣпныхъ лошадей, прекрасныхъ муловъ и сильныхъ воловъ пали жертвами войны, въ эти печальные четыре года!

Судьба ихъ была обширная ужасная трагедія. Сколько благородныхъ лошадей спасли жизнь ихъ всадниковъ необыкновенной быстротой и поразительной выносливостью! Подъ многими сотнями каваллеристовъ лошади ихъ были застрѣлены. Но было еще хуже этого: во многихъ сраженіяхъ вѣрныя животныя были оставлены раненными, безъ всякой помощи, на полѣ битвы. Только тотъ, въ чьихъ рукахъ судьбы вселенной, видѣлъ поразительные ужасы ихъ страданій.

Люди бились, во имя идеи долга, за землю, за золото, за свою независимость и свободу... А животныя!? у нихъ не было этого побужденія! При созданіи міра, они получили отъ Творца только одинъ завѣтъ служить человѣку и повиноваться ему.

Какъ многимъ людямъ можно было бы поучиться у животныхъ ихъ смиренному послушанію, ихъ честному исполненію долга и ихъ вѣрности!

Люди, съ прекрасной душой, мыслители, геніи, въ области науки и искусствъ, никогда не бываютъ равнодушны къ животнымъ.

Несомнѣнно, что близость съ ними съ дѣтскихъ лѣтъ имѣетъ благодѣтельное вліяніе на сердце, спасая его отъ суровости и черствости. Незнакомство съ животными производитъ обратное

дѣйствіе. Статистика доказала неоспоримо, что изъ десяти преступниковъ девять изъ нихъ никогда не имѣли животныхъ!

Какъ часто, во время войны, солдаты плакали горько, приставляя револьверъ къ головѣ лошади, чтобъ прекратить ея муки. Это животное было ему вѣрнымъ и любящимъ другомъ и постояннымъ спутниковъ въ тяжелыхъ переходахъ, днемъ и ночью, черезъ обширныя вельдты (африканскія поля).

Пожелаемъ, чтобъ этотъ памятникъ—водопой вызвалъ много подражаній особенно въ обширныхъ городахъ, гдѣ часто бѣднымъ собакамъ негдѣ напиться.

Недостатокъ свободнаго доступа къ водѣ есть одна изъ причинъ бѣшенства животныхъ. На конгрессѣ покровительства животнымъ, въ штатѣ Массачусетсъ было единогласно принято это.

Послѣ благополучнаго излѣченія короля Эдуарда VII отъ тяжкой болѣзни, королева Александра учредила въ Лондонѣ безплатныя водопойни для лошадей и для мелкихъ животныхъ.

Почтимъ это дѣло великаго милосердія.

QL 791 .N6
Nashi tovarishchi
Stanford University Libraries
3 6105 041 619 359

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.